

Континуативные конструкции в лезгинских языках и их употребление в параллельных контекстах (на материале переводов Евангелия от Луки)

© 2024

Тимур Анатольевич Майсак

Институт языкознания РАН, Москва, Россия;

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия;

timur.maisak@gmail.com

Аннотация: В работе дается обзор грамматикализованных глагольных конструкций с континуативным значением ('все еще делать, продолжать делать'), отмечаемых в ряде языков лезгинской группы нахско-дагестанской семьи, однако до сих пор не привлекавших должного внимания исследователей. Особенностью четырех лезгинских языков является наличие стативного глагола, описывающего продолжение существования или нахождения в определенном месте ('все еще быть, оставаться'), именно этот глагол выступает в качестве вспомогательного в континуативных конструкциях восточнолезгинских языков и рутульского; еще в одном языке (арчинском) аналитические континуативные формы включают специальное континуативное деепричастие, а вспомогательным глаголом является обычная связка. Далее обсуждаются результаты анализа употребления континуативных конструкций и других средств выражения континуативного значения в параллельных контекстах на материале переводов Евангелия от Луки (семь переводов на шесть лезгинских языков), а именно в 17 континуативных контекстах, выделенных в работах А. Б. Пановой (2021, 2023) по типологии континуатива. Показано, в каких из континуативных контекстов чаще всего использовались средства выражения континуатива (и какие именно из них), а также в каких языках эти средства использовались наиболее регулярно. В целом более чем в половине случаев континуативное значение не выражалось специальным образом и передавалось, как правило, имперфективными формами глагола (чаще всего деепричастными). Тем не менее, в восточнолезгинских языках и рутульском было отмечено использование специализированных средств — глаголов со значением 'все еще быть, оставаться' и континуативных конструкций, а также наречий; в цахурском и удинском языках, не обладающих грамматикализованными континуативными формами, было отмечено лишь использование наречий, причем в большем объеме, чем в языках с континуативными формами.

Ключевые слова: континуатив, лезгинские языки, нахско-дагестанские языки, Новый Завет, параллельные корпуса, фазовость

Благодарности: Выражаем искреннюю признательность А. Бабалиевой, М. А. Даниэлю, С. Р. Мердановой, А. Б. Пановой, Н. Р. Сумбатовой и М. Э. Чумакиной за обсуждение конкретно-языковых данных и типологии выражения континуатива, а также двум анонимным рецензентам за замечания к первому варианту статьи.

Для цитирования: Майсак Т. А. Континуативные конструкции в лезгинских языках и их употребление в параллельных контекстах (на материале переводов Евангелия от Луки). *Вопросы языкознания*, 2024, 3: 60–98.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.60-98

Continuative constructions in the Lezgc languages and their use in parallel contexts (in the Gospel of Luke translations)

Timur A. Maisak

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
HSE University, Moscow, Russia;
timur.maisak@gmail.com

Abstract: The paper presents an overview of grammaticalized constructions expressing the continuative meaning ‘still do, continue doing’, attested in a number of languages of the Lezgc branch (< Nakh-Daghestanian), although enjoying very little attention from researchers. A peculiarity of four Lezgc languages is the existence of a stative verb describing continuation of existence or staying in a certain place (‘still be, remain’). It is this verb that is found as an auxiliary in continuative constructions of East Lezgc languages and Rutul; in Archi, periphrastic continuative forms are based on dedicated continuative converbs, while the auxiliary is a simple copula. In addition, I discuss the use of continuative constructions, as well as other means of expressing the continuative meaning, in parallel contexts from the Gospel of Luke translations (seven translations into six Lezgc languages were taken into account). According to cross-linguistic studies of the continuative by Panova (2021, 2023), the continuative meaning is unambiguously present in 17 contexts in the Gospel of Luke. The present paper demonstrates in which of these contexts the means of expressing the continuative meaning were most frequently used and which particular means were employed, as well as which languages explicitly express the continuative meaning more often than others. On the whole, in more than a half of all cases the continuative meaning is not expressed by an explicit grammatical or lexical means other than imperfective verb forms. At the same time, the three East Lezgc languages, as well as Rutul, make use of stative verbs meaning ‘still be, remain’, both as a lexical verb and as an auxiliary, and also of adverbs. Tsakhur and Udi, which lack dedicated continuative constructions, only use adverbs in the respective contexts, the use of adverbs in these two languages being more frequent than in languages possessing continuative constructions.

Keywords: continuative, Lezgc, Nakh-Daghestanian, New Testament, parallel corpora, phase

For citation: Maisak T. A. Continuative constructions in the Lezgc languages and their use in parallel contexts (in the Gospel of Luke translations). *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 3: 60–98.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.60-98

1. Введение

Категория фазовой полярности, или фазовости, характеризует «сам факт существования/несуществования описываемой ситуации по отношению к более раннему моменту времени» [Плунгян 2011: 420]. Название этой категории отражает тот факт, что ее значения описывают отношения между двумя упорядоченными во времени фазами, которые противопоставляются с точки зрения разных значений полярности: одна из ситуаций (или «фаз») имеет место, тогда как другая — нет (см. подробнее обсуждение в работах [van der Auwera 1993; 1998; van Baar 1997; Plungian 1999; Kramer 2017] среди прочих). Таким образом, всего значений категории фазовости четыре, ср. *Маши́а уже́ дома* (не была, а теперь есть), *Маши́а больше́ не́ дома* (была, а теперь нет), *Маши́а все́ еще́ дома* (и была, и продолжает быть), *Маши́а еще́ не́ дома* (и не была, и продолжает отсутствовать). Далее в этой работе нас будет интересовать одно из фазовых значений, а именно континуативное (или континуатив), т. е. значение продолжения ситуации, утверждение о ее (непрерывном) существовании как в момент времени, о котором идет речь в данной клаузе, так и в более ранний момент времени.

Фазовые значения могут выражаться как лексическими (наречия, глаголы), так и грамматическими средствами (глагольные формы, специальные частицы), и в фокусе нашего рассмотрения будут именно последние. Обсуждая грамматическое выражение фазовости в системе глагола, В. А. Плунгян [2011: 421] отмечает, что «морфологический континуатив типичен для дагестанских языков (в частности, он имеется в лезгинском и в арчинском языках)». Действительно, особенностью ряда языков лезгинской группы нахско-дагестанской семьи является наличие специальных глагольных конструкций с континуативным значением ‘все еще делать, продолжать делать’. Предварительно использование таких конструкций показано в примерах (1) из лезгинского и (2) из рутульского языков; оба примера взяты из оригинальных текстов. В лезгинском континуативная форма на *-ma* исходно являлась аналитической конструкцией с вспомогательным глаголом *ama* ‘оставаться, все еще быть’; в рутульском представлена собственно аналитическая форма, состоящая из имперфективного деепричастия и формы настоящего времени вспомогательного глагола *maba* с тем же значением ‘оставаться, все еще быть’.

- (1) Лезгинский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Ганиева (сост.) 2011: 65–66]¹

Гъа икI, къени кыфер Мастанакъай кичIла зурзама.

ha i-k', q:e=ni q'if-er mast:an.a-q-qj

PTCL ЭТОТ-MNR сегодня=ADD мышь-PL Мастан-POST-EL

kič'ela zurza-z-ma

от.страха дрожать-IPFV.CVB-CNT

‘До сих пор, говорят, при появлении Мастана мыши дрожат от страха (букв. «продолжают дрожать»)’.

- (2) Рутульский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Дашлай, Дашлай 2021: 50]

Видж ихды джыбраа хъуIджувчIур, ехда хъуна гывгъаIре маба.

w-iž ix-di žibra: qu^ε-ž-u(w)č'u-r;

3-сам мы-ATTR сзади PV-NEG-цепляться<3>.PFV-CVB

je-χda qu-na g-i(w)ba^ε-re ma(b)a

мы-POST POST.быть-CVB PV-ходить<3>.IPFV-CVB оставаться<3>.PRS

‘Но нет же, Рыжик по-прежнему не отходил от нас ни на шаг (букв. «за нами продолжает ходить»)’.

Первой задачей настоящей работы является обобщение представленных в литературе данных о специализированных континуативных формах лезгинских языков — насколько нам известно, ранее подобный обзор никогда не составлялся.

Всего в лезгинскую группу входят девять языков, внутри нее выделяются восточнолезгинская подгруппа (ее составляют лезгинский, агульский и табасаранский языки), западнолезгинская подгруппа (рутульский и цахурский языки) и южнолезгинская подгруппа (крызский и будухский языки), отдельные положение занимают арчинский и удинский языки, первыми выделившиеся из пралезгинского (о генеалогическом древе лезгинских языков см. [Алексеев 1985; Касьян 2014]). К лезгинской группе относится и кавказско-албанский, или агванский, язык, вымерший более тысячи лет назад, однако сохранившийся

¹ В оформлении примеров действуют следующие конвенции: сначала указывается язык и его вариант, а также источник примера; затем следует пример в оригинальной орфографии в соответствии с источником; далее идет стандартное «трехстрочное» представление с глоссированием, следующим Лейпцигским правилам, при этом перевод приводится по оригинальной публикации, при необходимости с уточнениями, раскрывающими языковую структуру оригинала.

К примерам из словарей, сборников текстов и библейских переводов, а также работы [Гайдаров и др. 2009], транскрипция и глоссы добавлены автором настоящей статьи. Транскрипция и глоссы примеров из ряда работ, в т. ч. [Мерданова 2004; Alekseev 1994; Babaliyeva 2013; Chumakina 2012], незначительно модифицированы с целью унификации.

в письменных памятниках, представляющих собой фрагменты переводов библейских книг (см. издание [Gippert et al. 2008], а также недавний обзор [Gippert 2023])².

Особенностью лезгинских языков, во многом обусловившей и развитие в них конструкций с континуативным значением, является наличие специального глагола со значением ‘оставаться’ или, скорее, ‘все еще быть’, учитывая, что данный глагол описывает именно продолжение существования или нахождения в определенном месте (и, в частности, не имеет форм с перфективным значением). Во всех четырех лезгинских языках, в которых подобный лексический глагол отмечается: агульском, лезгинском, табасаранском и рутульском, — он выступает и в роли вспомогательного глагола в континуативной конструкции. Однако для развития континуативных форм существования именно такого глагола не обязательно — так, в арчинском языке континуативные формы имеют другую структуру, а глагольного корня со значением ‘все еще быть’ не существует. Строго говоря, в языках других групп нахско-дагестанской семьи глагольные формы с континуативным значением также могут встречаться³, однако, насколько нам известно, только в лезгинской группе они отмечаются в большинстве языков (пять из девяти) и имеют, по всей видимости, когнатные между собой показатели (о чем см. обсуждение далее).

Второй задачей работы является анализ употребления средств выражения континуативного значения в параллельных контекстах, а именно в переводах Евангелия от Луки. Этот анализ дополняет обобщение данных из опубликованных грамматических описаний и позволяет проверить, во-первых, действительно ли специализированные континуативные формы используются в выделенных континуативных контекстах и, во-вторых, каким образом континуативное значение выражается (и выражается ли) в тех лезгинских языках, где специальной континуативной формы, по крайней мере согласно описаниям, не существует. Именно поэтому в этой части работы мы привлекали к рассмотрению не только «континуативный бытийный глагол» и соответствующую аналитическую форму, но и другие средства, а именно наречия типа ‘все еще’ и собственно лексический глагол со значением ‘продолжать’.

Использование параллельных корпусов в типологических исследованиях имеет уже длительную историю (ср. обзор [Cysouw, Wälchli 2007]) и представлено десятками работ по различным языковым явлениям. Наряду с переводами классических произведений мировой литературы, Библия играет в исследованиях на основе параллельных корпусов не последнюю роль, являясь самой переводимой книгой в истории. Так, на библейских переводах основаны типологические исследования семантики основных глаголов движения [Wälchli, Cysouw 2012], парных слов [Wälchli 2005], категорий перфекта и ямитива [Dahl, Wälchli 2016] и др.; ср. также недавний сборник [Хомченкова (ред.) 2023], представляющий результаты проекта по построению базы данных универсальных грамматических контекстов на материале переводов Нового Завета.

К сожалению, метод параллельных корпусов не так просто применить к языкам нахско-дагестанской семьи, многие из которых остаются бесписьменными или же используют письменность лишь ограниченно. Трудно назвать хотя бы несколько произведений мировой литературы, переведенных на значительное число языков этой семьи. Однако именно

² Кавказско-албанский может являться либо предком удинского языка, либо же языком «удинской подгруппы», ближайшим родственником которого был непосредственный предок удинского.

³ Так, в ицаринском даргинском описана серия континуативных аналитических форм, образуемых от деепричастий при помощи вспомогательного глагола *b-iḡal* ‘оставаться, продолжать’ (с начальным классно-числовым показателем), см. [Sumbatova, Mutalov 2003: 113]. Неизвестно, насколько в языках даргинской группы подобные конструкции распространены. Так или иначе, даргинский глагол ‘оставаться’ используется и в конструкциях другого типа — например, в тантыньском даргинском аналитическая форма с вспомогательным глаголом *kalg-* ‘оставаться’ имеет значение косвенной засвидетельствованности [Сумбатова, Ландер 2014: 373–374], а континуативная конструкция отсутствует.

текст Библии является здесь исключением благодаря деятельности российского Института перевода Библии и родственных организаций: за последние 20–30 лет одна или несколько книг Библии были переведены на целый ряд нахско-дагестанских языков (причем в некоторых случаях такой перевод становился первым или же самым объемным произведением, опубликованным на данном языке). Наиболее часто переводимым из всех книг Библии оказалось Евангелие от Луки: оно, по нашим подсчетам, по состоянию на 2024 г. имеется в переводе на 12 языков семьи. Помимо доступности на наибольшем числе языков семьи, библейские переводы обладают важным достоинством. В отличие от переводов художественной литературы, над каждым из которых, как правило, трудится один переводчик, в процесс библейского перевода вовлечена целая группа переводчиков и редакторов, а сам перевод проходит ряд стадий проверки и апробации⁴. По словам М. Е. Алексеева [2011: 98], возможность использования библейских переводов для сравнительного анализа обеспечивается «тем, что переводчики (исключая, впрочем, синодальный перевод) ориентировались на передачу смысловой структуры оригинала, не копируя способы ее поверхностной реализации». Таким образом, в переводах Евангелия от Луки на лезгинские языки влияние языка-оригинала можно оценивать как незначительное.

Прецеденты использования библейских переводов на нахско-дагестанские языки для внутригенетических типологических — пусть и «микротипологических» — исследований уже имеются: так, ряд сопоставительных исследований на материале нахско-дагестанских языков, с одной стороны, и русского и некоторых европейских языков, с другой, рассмотрены в книге [Алексеев 2011: 98–144], а статья [Майсак 2021] содержит анализ переводов значения ‘сделать вид, что’ (а именно, стиха Лк. 24:28) в 15 переводах Евангелия от Луки.

Выбор Евангелия от Луки для сравнения переводов континуативных контекстов обусловлен также тем, что дистрибуция континуативных показателей в тексте данной книги обсуждается в работе [Панова 2023] (изначально, в более кратком виде, — в диссертации автора [Panova 2021: 27–29]). Задачей этого исследования было выделить в тексте Евангелия от Луки набор «наилучших» контекстов, передающих континуативное значение (а именно, контекстов, «удовлетворяющих условиям, необходимым для употребления континуативного показателя»). Эти контексты отбирались автором вручную в ходе чтения Евангелия от Луки на русском и английском языках. Каждая предикация была проанализирована с точки зрения того, присутствует ли в контексте информация о том, что соответствующая ситуация имела место и в какой-то предшествующий момент времени. Таким образом были найдены ситуации, соответствующие определению значения континуатива, — всего 17. В работе А. Б. Пановой также рассмотрены особенности употребления в континуативных контекстах конкретно-языковых континуативных показателей на материале типологической выборки: эта выборка включает 33 языка различных семей и ареалов; из числа нахско-дагестанских языков в ней представлен лезгинский.

Континуативные контексты, выделенные в работе [Панова 2023], приведены в таблице 1 вместе с двумя русскими переводами, Синодальным и современным переводом Российского библейского общества (далее РБО). Как легко заметить и как отмечает А. Б. Панова, среди 17 контекстов лишь в двух (в стихах 14:22 и 18:22) континуатив модифицирует предикат главного предложения, в остальных случаях континуативное значение выражено в составе зависимой адвербиальной клаузы. Укажем, что «контекст» не равен стиху библейского текста, а всегда меньше него: чаще всего контекст представляет собой клаузу (простую предикацию), но иногда он может задаваться, например, именной или предложной группой. В таблице собственно континуативный контекст в этом узком понимании выделен полужирным. Далее в случае цитирования контекста в основном тексте работы

⁴ О современных стандартах организации процедуры перевода Библии см., в частности, [де Вард, Найда 1998: 228–253], об особенностях библейского перевода на языки России см. [Алексеев 2011: 74–92].

будет приводиться номер главы и стиха (без сокращения «Лк.»), а также перевод соответствующего фрагмента по изданию РБО.

Дальнейшее изложение в статье построено следующим образом. В разделе 2 описываются наиболее грамматикализованные средства выражения континуативности, которые отмечены в пяти лезгинских языках, — это (как правило, аналитические) континуативные формы глагола. В разделе 3 мы кратко характеризуем основные лексические средства с континуативным значением — наречия со значением ‘(все) еще’, глаголы со значением ‘продолжаться’ и континуативные бытийные глаголы со значением ‘оставаться, все еще быть’. В разделе 4 рассмотрены континуативные контексты в переводах Евангелия от Луки: здесь мы обсуждаем, какие средства выражения были использованы в семи переводах (на шесть лезгинских языков) 17 континуативных контекстов, выделенных А. Б. Пановой. В разделе 5 содержится обобщение данных о том, в каких из континуативных контекстов чаще всего использовались средства выражения континуатива, а также в каких языках эти средства использовались наиболее регулярно. В кратком виде выводы представлены в Заключение.

Таблица 1

Континуативные контексты в Евангелии от Луки (по [Панова 2023])

Стих	Синодальный перевод	Перевод РБО
3:21	Когда же крестился весь народ, и Иисус, крестившись, молился : отверзлось небо,	После того, как омылся весь народ, Иисус тоже принял омовение. И когда Он молился , раскрылось небо
8:49	Когда Он ещё говорил это , приходит некто из дома начальника синагоги и говорит ему: дочь твоя умерла; не утруждай Учителя.	Иисус не успел договорить , как пришел человек из дома старейшины и сказал: — Умерла твоя дочь. Не утруждай больше Учителя.
9:34	Когда же он говорил это , явилось облако и осенило их; и устрешили, когда вошли в облако.	И он еще не успел договорить , как появилось облако и покрыло их своей тенью. Ученики, оказавшись в облаке, испугались.
9:42	Когда же тот ещё шёл , бес поверг его и стал бить; но Иисус запретил нечистому духу, и исцелил отрока, и отдал его отцу его.	Когда мальчик подходил , бес повалил его в припадке на землю. Но Иисус усмирил нечистого духа, исцелил мальчика и отдал его отцу.
9:43	И все удивлялись величию Божию. Когда же все дивились всему, что творил Иисус, Он сказал ученикам Своим:	И все поражались величию Бога. В то время как все дивились делам , которые делал Иисус, Он сказал ученикам:
12:58	Когда ты идёшь с соперником своим к начальству, то на дороге постарайся освободиться от него, чтобы он не привёл тебя к судье, а судья не отдал тебя истязателю, а истязатель не верг тебя в темницу.	Ведь когда идешь с истцом в суд, лучше тебе приложить все старания, чтобы помириться с ним по дороге , иначе он ответит тебя к судье, а судья отдаст тюремщику, а тюремщик бросит в тюрьму.
14:22	И сказал раб: господин! исполнено, как приказал ты, и ещё есть место .	Слуга сказал ему: «Господин мой, твое приказание исполнено, но еще остались свободные места ».
14:32	Иначе, пока тот ещё далеко , он пошлёт к нему посольство просить о мире.	И если нет, то пошлет послов просить о мире, пока тот еще далеко .

Стих	Синодальный перевод	Перевод РБО
15:20	Встал и пошёл к отцу своему. И когда он был ещё далеко , увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его.	И он немедленно пошел к отцу. Он был еще далеко , когда отец увидел его, и ему стало жалко сына. Он побежал, бросился к сыну на шею и поцеловал его.
18:22	Услышав это, Иисус сказал ему: ещё одного недостаёт тебе : всё, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною.	Иисус, услышав это, сказал: — Одного тебе не хватает . Все, что есть у тебя, продай и раздай бедным. Тогда богатство будет у тебя на небесах. А потом приходи и следуй за Мной.
19:33	Когда же они отвязывали молодого осла , хозяева его сказали им: зачем отвязываете ослёнка?	Когда они отвязывали осленка , его хозяева спросили их: «Вы почему отвязываете осленка?»
22:47	Когда Он ещё говорил это , появился народ, а впереди его шёл один из двенадцати, называемый Иуда, и он подошёл к Иисусу, чтобы поцеловать Его.	И вот, когда Он это говорил , появилась толпа, и впереди шел тот, кого звали Иудой, один из двенадцати. Он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его.
22:60	Но Пётр сказал тому человеку: не знаю, что ты говоришь. И тотчас, когда ещё говорил он , запел петух.	— Послушай, я не знаю, о чем ты говоришь, — возразил Петр. И когда он это говорил , запел петух.
24:06	Его нет здесь: Он воскрес; вспомните, как Он говорил вам, когда был ещё в Галилее ,	Его здесь нет, Он воскрес. Вспомните, что Он вам говорил, еще будучи в Галилее .
24:41	Когда же они от радости ещё не верили и дивились , Он сказал им: есть ли у вас здесь какая пища?	Они от радости никак не могли поверить и удивлялись . Тогда Он спросил их: — Есть у вас здесь какая-нибудь еда?
24:44	И сказал им: вот то, о чём Я вам говорил, ещё быв с вами , что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах.	Потом Иисус сказал им: — Вот что значат Мои слова, которые Я говорил вам, еще когда был с вами : все, что написано обо Мне в Законе Моисея, у Пророков и в Псалмах, должно исполниться.
24:51	И, когда благословлял их , стал удаляться от них и возноситься на небо.	И, благословляя , стал удаляться от них и возноситься на небо.

2. Континуативные формы глагола
в лезгинских языках

Глагольные формы с континуативным значением упоминаются в грамматических описаниях пяти из девяти лезгинских языков: лезгинского, агульского, табасаранского, рутульского и арчинского. В большинстве случаев такие формы представляют собой аналитические конструкции с вспомогательным глаголом ‘оставаться’ (или восходят к такой конструкции)⁵.

⁵ Заметим, что путь развития из ‘оставаться’ в континуативный показатель типологически распространён: так, в «Лексиконе грамматикализации» отмечается путь REMAIN (‘to remain, to stay’) > DURATIVE (‘keep doing’) с примерами из таких языков, как немецкий (глагол *bleiben*), португальский (глагол *ficar*), турецкий (глагол *dur-*), и ряда других [Kuteva et al. 2019: 367–368]; лезгинский язык, упомянутый в «Лексиконе» несколько десятков раз, в данном словарном входе не фигурирует. Другими источниками континуатива (в терминах авторов, «дуратива»), по данным

2.1. Лезгинский язык

В лезгинском языке континуативные формы традиционно включаются в ядро глагольной парадигмы индикатива как минимум начиная с работ 1960-х гг., ср. [Талибов 1966: 580]. В грамматике [Гайдаров и др. 2009: 185] (раздел о системе глагола написан Б. Б. Талибовым) в составе форм настоящего времени выделяются настоящее простое на *-awa / -wa* и настоящее длительное на *-ama / -ma*. Первая форма образуется от деепричастия несовершенного вида⁶ на *-z* в сочетании с постпозитивным вспомогательным глаголом *awa* 'быть, находиться', ср. *fi-z* [идти-IPFV.CVB] > *fi-z-wa*. Вторая форма образуется от того же деепричастия в сочетании с вспомогательным глаголом *ama* 'все еще быть, оставаться', ср. *fi-z* [идти-IPFV.CVB] > *fi-z-ma*. Как отмечает автор описания, «настоящее и настоящее длительное время различаются только по модальности»: «форма настоящего времени выражает действие, происходящее в момент речи или совпадающее с моментом речи, а настоящее длительное — такое действие, которое началось и продолжается в момент речи» [Гайдаров и др. 2009: 184], при этом «на русский язык данное настоящее длительное можно переводить глаголом настоящего времени со словами *еще, все еще*» [Там же: 187–188]. Пример (3) показывает употребление формы настоящего длительного (ср. также (1) выше); об употреблении *ama* в качестве лексического глагола см. раздел 3.3.

(3) Лезгинский (литературный) [Гайдаров и др. 2009: 188]

Ада фу незма.

a.da fu ne-z-ma

tot(ERG) хлеб есть-IPFV.CVB-CNT

‘Он все еще ест’.

В системе прошедших времен выделяются две формы «прошедшего результативного», образуемые от деепричастия совершенного вида на *-na* при помощи тех же двух вспомогательных глаголов, ср. *fe-na* [идти-PFV.CVB] > *fe-n-wa* с глаголом *awa* и *fe-na-ma* с глаголом *ama* [Там же: 190]. Если первая форма имеет значение перфекта и результатива, то вторая «указывает на такое совершившееся действие или движение, результаты которого продолжают еще проявляться», ср. (4). С глаголами, которые в форме перфекта имеют результативное значение и описывают состояние в настоящем, форма на *-ma* указывает «на состояние, продолжающееся в течение продолжительного времени», ср. (5).

(4) Лезгинский (литературный) [Гайдаров и др. 2009: 190]

Машиндихъ прицеп акалнама.

mašin.di-q p:ricep akal-na-ma

машина-POST прицеп привязывать-PFV.CVB-CNT

‘Прицеп еще прицеплен к машине’.

«Лексикона», являются единицы со значением GO ‘идти’, IN ‘в, внутри’, KEEP ‘сохранять’, LIE ‘лежать’, SIT ‘сидеть’, STAND ‘стоять’.

⁶ В традиционных описаниях лезгинского языка форма на *-z*, как правило, называется «целевой формой», поскольку она совмещает функции инфинитива (употребляясь в том числе в целевых зависимых) и деепричастия несовершенного вида (употребляясь в обстоятельственных клаузах одновременности или образа действия, а также образуя аналитические формы с имперфективным значением). Учитывая значение, вносимое данной формой в аналитические конструкции, мы используем применительно к ней ярлык «деепричастие несовершенного вида» (или имперфективное деепричастие).

(5) ЛЕЗГИНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Гайдаров и др. 2009: 190]

Буба ксанама (ацукьнама).

buba ksa-na-ma / *ac:uq'-na-ma*
отец засыпать-PFV.CVB-CNT садиться-PFV.CVB-CNT

‘Отец еще спит / еще сидит’.

Во всех указанных выше формах вспомогательный глагол имеет форму настоящего времени. В случае использования формы прошедшего времени вспомогательного глагола, соответственно *awa-j* или *ama-j*, временная референция ситуации переносится в план прошедшего или предпрошедшего. Так, аналог презенса на *-z-wa* в прошедшем времени выступает в роли имперфекта, перфект на *-n-wa* в прошедшем времени функционирует как плюсквамперфект, обе континуативные формы также имеют значение прошедшего времени с сохранением своего базового аспектуально-фазового значения, ср. континуативный результатив в (6).

(6) ЛЕЗГИНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Гайдаров и др. 2009: 196]

Буба кIвалахал фидайла, чун ксанмай.

buba k'walaχ.a-l fi-da-j-la, *čun ksa-n-ma-j*
отец работа-SUPER идти-НАВ-ПТСР-ТЕМП мы засыпать-PFV.CVB-CNT-PST

‘Когда отец собирался на работу, мы еще спали’.

Описание М. Хаспельмата эксплицитно характеризует формы, образуемые при помощи *ata*, как континуативные, в парадигму глагола включается континуативный имперфектив (Continuative Imperfective) на *-zma* и континуативный перфект (Continuative Perfect) на *-nma*, а также их эквиваленты в прошедшем времени [Haspelmath 1993: 127, 130–131]. Указывая, что континуативные формы содержат семантический элемент ‘все еще’ (‘still’), автор также отмечает, что иногда предложения с данными формами могут дополнительно содержать наречия со значением ‘все еще’ *hele*, *helelig* или *gilani* (< *gila=ni* ‘сейчас=ADD’) [Ibid.: 145, 210]. Об этих и аналогичных наречиях лезгинских языков см. далее раздел 3.1.

Отметим, что, будучи исторически аналитическими, континуативные формы лезгинского языка (так же, как и формы с глаголом *awa* ‘быть, находиться’) в настоящее время морфологизовались и могут рассматриваться как синтетические. Начальное *a-* обоих вспомогательных глаголов регулярно опускается в позициях, требующих синкопирования гласного в многосложных словах, на письме вспомогательный глагол всегда пишется слитно с лексическим⁷.

В диалектах лезгинского языка континуативные формы образуются аналогично и имеют значения, соответствующие описанным для литературного языка, ср. данные по джабинскому диалекту в [Ганиева 2007: 120–125], курушскому говору в [Ганиева 2008: 122–126], мазинскому и гутумскому диалектам в [Ганиева 2011: 115–119, 280–283], яргунскому говору кубинского наречия в [Babaliyeva 2007: 74]. Небольшие различия наблюдаются лишь в правилах синкопирования начального гласного вспомогательного глагола, см. также [Мейланова 1964: 65].

2.2. Табасаранский язык

В табасаранском языке основными вспомогательными глаголами являются связка *wi* и локативный глагол *a* ‘быть, находиться’. Так, от деепричастия несовершенного вида

⁷ В [Гайдаров и др. 2009: 325] указывается на то, что «редкие, ставшие архаическими примеры» раздельного написания смыслового и вспомогательного глагола можно обнаружить в произведениях лезгинского поэта Етима Эмина и в литературе 1930–40-х гг., однако «такие случаи очень редки» и «нормой литературного языка» стало слитное написание с опущением начальной гласной вспомогательного глагола.

на *-ri* в сочетании с постпозитивным вспомогательным глаголом ‘быть, находиться’ настоящего времени образуется аналитическая форма презенса, ср. *lixu-ri a* [работать-IPFV-CVB IN.быть.PRS] ‘работает’. Глагол ‘оставаться’ в настоящем времени имеет форму *imi* (в южном диалекте и литературном варианте) либо *ami* (в северном диалекте). Далее эти две формы мы рассматриваем как эквивалентные.

В грамматических описаниях табасаранского языка, опубликованных в XX в. (ср. [Жирков 1948; Магомедов 1965; Услар 1979]⁸), континуативные конструкции с глаголом *imi / ami* не отмечаются. В кратком очерке [Курбанов 2001: 446] и грамматике [Загиров и др. 2014: 258] (раздел о системе глагола написан К. К. Курбановым) упоминается, что параллельно с основной формой презенса в современном табасаранском языке «изредка» употребляется также «настоящая остаточная» форма, ср. *lixiuri a* ‘работает’ (презент), но *lixiuri ami* ‘все еще работает’.

В качестве серии аналитических форм континуативный презент, имперфект, перфект и плюсквамперфект рассмотрены в работах А. Бабалиевой [Babaliyeva 2013; 2023]: первые две формы образованы от имперфективного деепричастия на *-ri* (7)–(8), две другие — от перфективного деепричастия на *-ni*. Соответственно, в континуативном презенте и перфекте вспомогательный глагол имеет форму настоящего времени, в континуативном имперфекте и плюсквамперфекте — форму прошедшего времени.

- (7) ТАБАСАРАНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Babaliyeva 2013: 191]
hamus=ra dumu žak'w gak'wlar — t'ul-ar.i-ɤ
 сейчас=ADD этот воробей дерево.PL ветка-PL-INTER
liɔc-uri imi
 ходить<N>-IPFV.CVB IN.оставаться.PRS

‘И сейчас этот воробей продолжает рыться в сухих ветках’ (“Et même maintenant, ce moineau continue de fouiller dans les branches secs”).

- (8) ТАБАСАРАНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Babaliyeva 2013: 192]
Šahib=na Širin milicija.ji-n hajat.di-ʔ ulɣ-uri imi-ji
 Шахиб=и Ширин милиция-GEN двор-IN разговаривать-IPFV.CVB IN.оставаться-PST
 ‘Шахиб и Ширин все еще спорили во дворе милиции’ (“Chahib et Chirin se disputaient toujours dans la cour de la police”).

Как и в лезгинском языке, континуативный перфект используется в результативном значении, ср. пример (9), аналогичный лезгинскому (5) и описывающий пребывание в состоянии сна в момент речи.

- (9) ТАБАСАРАНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Babaliyeva 2013: 190]
dumu da-ʔaɣ-nu imi
 этот PFV-sleep-PFV.CVB IN.оставаться.PRS
 ‘Он все еще спит’ (“Il dort toujours”).

2.3. Агульский язык

Как и в табасаранском языке, в агульской видо-временной системе индикатива основная роль принадлежит аналитическим по происхождению формам, в которых вспомогательными глаголами являются связка *i* (по диалектам, *e / wi*) либо бытийный глагол *a* ‘быть,

⁸ Грамматика П. К. Услара была написана в первой половине 1870-х гг., однако ее рукопись долгое время считалась утерянной, поэтому подготовлена к печати и издана она была лишь 100 лет спустя.

находиться внутри'. Так, от имперфективного деепричастия при помощи связки образуется форма хабитуалиса настоящего времени (ср. *aq'aje* 'обычно делает' < *aq'aj e* 'делая есть'), а при помощи бытийного глагола — основная форма презенса (ср. *aq'aja* 'делает' < *aq'aj a* 'делая находится'). От перфективного деепричастия при помощи связки образуется форма аориста, или перфективного прошедшего (это наиболее сильно морфологизованная из исходно аналитических форм, ср. *aq'une* 'сделал' < **aq'una e* 'сделав есть'), а при помощи бытийного глагола — форма перфекта (ср. *aq'unaa* 'уже сделал' < *aq'una a* 'сделав находится'). От инфинитива при помощи связки образуется будущее время, ср. *aq'ase* 'сделает' < *aq'as e* 'сделать есть' (примеры даны из хпюкского диалекта, по описанию [Мерданова 2004]).

В ранних грамматиках агульского языка, таких как [Дирр 1907; Шаумян 1941; Магомедов 1970], а также в более поздних описаниях [Тарланов 1994; 2013] формы с континуативным значением не отмечаются. Однако в диалектологическом обзоре Н. Д. Сулейманова в качестве одного из вспомогательных глаголов упоминается *ame* (по диалектам, *ami / amija*) 'оставаться' и две образуемые с его помощью аналитические формы. От имперфективного деепричастия образуется «настоящее продолжающееся время», которое «указывает на действие, которое проходило в прошлом, но продолжается и в настоящее время» (ср. *дада мактабий кар аркбай аме* 'отец продолжает работать в школе'), от инфинитива — «будущее время, которое указывает, что действие протекало в прошлом и продолжится в будущем» (ср. *зун китаб хурас аме* 'я буду продолжать читать книгу') [Сулейманов 1993: 147, 189].

Более подробное описание представлено на материале хпюкского говора в работе С. Р. Мердановой [2004: 115, 121–122, 182], где конструкции с глаголом *amea* 'оставаться' названы континуативными. Сочетание имперфективного деепричастия с вспомогательным глаголом настоящего времени обозначает продолжение ситуации в момент наблюдения в настоящем (10); если вспомогательный глагол имеет форму прошедшего времени, речь идет о продолжении в момент наблюдения в прошлом (11).

- (10) Агульский (хпюкский) [Мерданова 2004: 115]

dad.a k:azit ruħa-j ame-a
отец(ERG) газета читать.IPFV-CVB IN.оставаться-PRS
'Отец все еще читает газету'.

- (11) Агульский (хпюкский) [Мерданова 2004: 115]

zun qaj.i-guna=ra, (a)luħ.a-j am-ij ge-wur
я возвращаться.PFV-TEMP=ADD ругаться.IPFV-CVB IN.оставаться-PST TOT-PL
'Даже когда я пришла, они все еще ругались'.

Семантика «будущего континуативного», а именно сочетания инфинитива с вспомогательным глаголом 'оставаться', менее однозначна: эта форма указывает на «действие, которое, возможно, уже осуществляется в момент речи (или было осуществлено до него) и которое еще предстоит осуществлять в будущем» (12), при этом в некоторых случаях акцент делается скорее на неосуществлении ситуации в прошлом (13) [Там же: 121]. Эта конструкция не полностью грамматикализована в качестве аналитической формы глагола, поскольку падежное кодирование субъекта может определяться не смысловым глаголом, а глаголом 'оставаться' (в последнем случае субъект кодируется дативом: 'ему остается сделать') [Там же: 122].

- (12) Агульский (хпюкский) [Мерданова 2004: 121]

zun varħa-s ame-a.
я спать.IPFV-INF IN.оставаться-PRS

{А.: Сколько же ты уже спишь! В.:} 'Я еще [и дальше] буду спать' (≈ 'Мне еще спать и спать!').

- (13) Агульский (хпюкский) [Мерданова 2004: 122]

hal=la qu-ŋʷa-s ame-a.
сейчас=ADD RE-идти.IPFV-INF IN.оставаться-PRS
‘[Он] все еще не приехал’.

Сочетание вспомогательного глагола ‘оставаться’ с перфективным деепричастием в качестве грамматикализованной аналитической формы Н. Д. Сулеймановым и С. Р. Мердановой не рассматривается. Тем не менее, в текстах можно встретить сочетания с такой структурой, имеющие значение продолжения результирующего состояния: так, в примере (14) из хпюкского диалекта описывается продолжение состояния ‘быть закрытым’.

- (14) Агульский (хпюкский; корпус текстов)

rak:-ar=ra qik'.i-na ame-a,
дверь-PL=ADD запирать.PFV-CVB IN.оставаться-PRS
sa kas=ra a-dawa.
один человек=ADD IN.быть-PRS.NEG
{Он вышел на балкон и посмотрел:} ‘и ворота по-прежнему закрыты, никого нет’.

Все три сочетания — с двумя деепричастиями и инфинитивом — в качестве серии форм продолжающегося действия или, в терминологии автора, «остаточностного» наклонения выделяются в работе [Рамазанов 2014: 236–238] (строго говоря, не являющейся научным описанием агульского языка). Ср. приводимые автором примеры с имперфективным деепричастием *gedaii хурай аме* ‘мальчик (сын, юноша) продолжает учиться’ (букв. «читая остается»), с перфективным деепричастием *хуруна аме* ‘только что прочитав, проучившись остается’ (букв. «прочитав остается»), с инфинитивом *gedaii хурас аме* ‘мальчику (сыну) читать, учиться (дочитать, доучиться) еще осталось’ (букв. «читать остается») [Там же: 270, 289].

Таким образом, особенностью агульского по сравнению с лезгинским и табасаранским является наличие конструкции третьего типа с вспомогательным глаголом ‘оставаться’ — не только с двумя деепричастиями, но и с инфинитивом. При этом наиболее грамматикализованной формой является континуатив с имперфективным деепричастием, выражающий продолжение процесса, синхронного моменту наблюдения.

2.4. Рутульский и цахурский языки

Видо-временная система индикатива рутульского языка в целом устроена сходно с восточнолезгинскими видо-временными системами. Так, основными вспомогательными глаголами также являются связка *i* или ее более полный вариант *ji?i* (с начальным показателем классно-числового согласования), а также стативный глагол *a / ?a* ‘быть, находиться’. Основные формы индикатива являются по происхождению аналитическими и образованы от перфективного и имперфективного деепричастий и инфинитива. Аорист имеет структуру «перфективное деепричастие + связка настоящего времени», ср. *kixir-i* ‘написал’; основной презенс имеет структуру «имперфективное деепричастие + глагол ‘быть, находиться’ в настоящем времени», ср. *kixxere ?a* ‘пишет’; футурум имеет структуру «инфинитив + связка настоящего времени», ср. *kixis-i* ‘напишет’ и т. п. (примеры из мухадского диалекта, по [Махмудова 2001]).

В наиболее полных на сегодня грамматических описаниях рутульского языка, таких как [Дирр 1912; Ибрагимов 1978; 2004; Alekseev 1994; Махмудова 2001], конструкции с континуативным значением не отмечаются. По нашим данным, однако, во всех рутульских диалектах имеется по крайней мере континуативная аналитическая форма с имперфективным

деепричастием и стативным глаголом *maɖa* (с инфиксальным классно-числовым показателем)⁹. Для кининского диалекта (15) эта конструкция кратко описана в [Maisak 2020: 25], однако примеры ее употребления встречаются, хотя и без соответствующего описания, в других диалектах, ср. пример (16) из очерка лучекского диалекта, близкого кининскому.

- (15) Рутульский (кининский) [Maisak 2020: 25]

χinχ-i-s *ubl-ešij-la* *gič'e-ra* *maɖa*
 ребенок-OBL-DAT волк-OBL.PL(SUPER)-EL бояться.IPFV-CVB оставаться<1>.PRS
 'Ребенок все еще боится волков' ("The child is still afraid of wolves").

- (16) Рутульский (лучекский) [Alekseev 1994: 251]

ha-d *ža-r-arga-r* *maɖa*
 тот-ATTR NEG-2-разговаривать.IPFV-CVB оставаться<2>.PRS
 'Она по-прежнему не разговаривает' ("She continues not to speak").

По данным кининского говора, перфективное деепричастие и инфинитив в сочетании с глаголом 'оставаться' не образуют аналитических форм: в обоих сочетаниях оба компонента интерпретируются как лексические вершины в полипредикативной конструкции ('остается здесь, сделав' или 'остается здесь, чтобы сделать'). Тем не менее, как и в восточнолезгинских языках, в рутульском мы находим примеры сочетания вспомогательного глагола с перфективным деепричастием, имеющие результативное значение и описывающие состояние в настоящем, ср. (17) из словаря литературного рутульского, в основу которого положен мухадский диалект.

- (17) Рутульский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Алисултанов, Сулейманова 2019: 306]

хыных сахыр мара
χiniχ *saxi-r* *maɖa*
 ребёнок 1.спать.PFV-CVB оставаться<1>.PRS
 'ребёнок ещё спит'

Что касается цахурского языка, который входит с рутульским в одну подгруппу, то его видо-временная система устроена существенно иначе и отличается как от рутульской, так и от систем других лезгинских языков. Континуативная конструкция в цахурском не засвидетельствована, как и когнат глагола 'оставаться' с *mV*-образным корнем (по данным грамматических описаний [Ибрагимов 1990; Кибрик, Тестелец 1999] и словаря [Ибрагимов, Нурмамедов 2010]).

2.5. Крызский и будухский языки

В близкородственных крызском и будухском языках ни когнат глагола 'оставаться' с *mV*-образным корнем, ни какая-либо специализированная конструкция с континуативным значением не засвидетельствованы (по данным крызской грамматики [Authier 2009] и словаря [Hümmətov, Rind-Pawłowski 2020], будухской грамматики [Талибов 2007] и словаря [Мейланова 1984]).

⁹ Существование конструкции «имперфективное деепричастие + глагол 'оставаться' в настоящем времени» со значением 'продолжает делать' было подтверждено в 2022 г. в ходе диалектологического исследования, охватившего 12 рутульских сел Рутульского и Ахтынского районов Дагестана (данные собраны студенткой НИУ ВШЭ А. Д. Ивановой и автором настоящей статьи).

2.6. Арчинский язык

Общая структура глагольной парадигмы индикатива арчинского языка напоминает структуру парадигмы восточнолезгинских языков: за исключением нескольких синтетических форм, ее ядро составляют аналитические формы. Вместе с тем, противопоставление связки и стативного глагола со значением ‘быть, находиться’ в арчинском отсутствует, так что все основные аналитические формы образуются при помощи связки *i* (с начальным классно-числовым показателем). Так, основной презенс представляет собой сочетание имперфективного деепричастия и связки (ср. *arḡar-ši i* ‘ложится’), основной перфект представляет собой сочетание перфективного деепричастия и связки (ср. *aḡu-li i* ‘лег, лежит’), проспектив, или «инцетив», представляет собой сочетание футурального деепричастия и связки (ср. *aḡuqi-ši i* ‘собирается лечь’) и т. п.; подробнее об устройстве арчинской глагольной парадигмы см. [Кибрик 1977а: 83–87; Chumakina 2012]. Использование связки прошедшего времени переносит временную референцию соответствующих форм в план прошлого.

Континуативные формы арчинского языка выделяются в фундаментальной грамматике А. Е. Кибрика и др. [1977а] и последующих описаниях, хотя в более ранних работах (в частности, [Дирр 1908; Микаилов 1967]) о них не говорится. Система континуативных форм и их значения в арчинском таковы же, как и, например, в лезгинском языке, однако их структура принципиально отличается. Дело в том, что за континуативный компонент в арчинском отвечает не особый «континуативный» вспомогательный глагол ‘все еще быть’, как в восточнолезгинских языках и в рутульском, а континуативные деепричастия, от которых при помощи связки образуются аналитические формы. Континуативных (в терминах А. Е. Кибрика, «континуальных») деепричастий два, они производны от перфективной и имперфективной основ при помощи суффикса *-mat*. Имперфективное континуативное деепричастие обозначает второстепенную ситуацию, продолжающуюся в момент осуществления главной, ср. *ba:ʼbur-mat* ‘продолжая разговаривать’. Перфективное же континуативное деепричастие обозначает второстепенную ситуацию, имевшую место ранее, однако результат которой продолжает иметь место в момент осуществления главной, ср. *qʼowdi-mat* ‘продолжая сидеть’ (т. е. продолжая находиться в состоянии ‘быть севшим’), см. [Кибрик 1977а: 258–260].

От каждого из двух континуативных деепричастий образуются континуативные аналитические формы со связкой настоящего или прошедшего времени. Форма, образуемая от имперфективного деепричастия в сочетании со связкой настоящего времени, означает ‘V началось до момента речи и продолжается в момент речи’ [Там же: 189], ср. (18). В сочетании со связкой прошедшего времени конструкция имеет значение ‘V началось и длительно продолжало иметь место до момента речи’ [Там же: 191], ср. (19). М. Э. Чумакина отмечает, что конструкция выражает более длительное, чем ожидалось, продолжение ситуации (“the situation goes on longer than anticipated”):

- (18) Арчинский [Chumakina 2012: 40]

to-r *ʁʼaʒa-r-mat* *d-i*
 тот-2 косить-IPFV-CVB.CNT 2-COP

‘Она все еще косит траву [хотя предполагалось, что должна была уже закончить]’
 (“She is [still] hay cutting [although she was supposed to stop some time ago]”).

- (19) Арчинский [Chumakina 2012: 40]

zon *noklʼi-ši* *d-eqʼa-t:a* *to-r* *ʁʼaʒa-r-mat* *e(r)-di*
 я дом-ALL 2-приходить-ТЕМП тот-2 косить-IPFV-CVB.CNT COP<2>-PST

‘Когда я шла домой, она все еще косила’ (“When I was going home she was [still] hay cutting”).

В описании А. Е. Кибрика имперфективная континуативная конструкция носит название «презенс 2», а ее эквивалент в прошлом — «имперфект 2». В работе [Chumakina 2012: 40] для данной конструкции предлагается ярлык «персистив» (persistent) по аналогии с близкими по значению глагольными формами в языках банту.

Форма, образуемая от перфективного деепричастия в сочетании со связкой настоящего времени, означает ‘V завершено; начал иметься и в момент речи продолжает иметься результат этого V’ [Кибрик 1977а: 195], ср. (20). В сочетании со связкой прошедшего времени конструкция имеет значение ‘V завершено; начал иметься и до момента речи продолжал иметься результат этого V’ [Там же: 197], ср. (21). М. Э. Чумакина подчеркивает, что результат ситуации имеет место в неизменном виде дольше, чем ожидалось, а ожидаемое изменение состояния не происходит (“this result continues to be there longer than anticipated; some change of state was expected but did not happen”) [Chumakina 2012: 40], ср. [Chumakina 2020: 303].

(20) Арчинский [Chumakina 2012: 40]

buwa-n o'nt et'ni-mat i
мать-GEN голова 4.завязывать.PFV-CVB.CNT 4.COP

‘Голова мамы все еще перевязана (ожидалось, что повязка будет снята раньше)’
 (“Mother’s head is still bandaged”).

(21) Арчинский [Chumakina 2012: 42]

to-t jaj'u-mat e-di
тот-4 4.копать.PFV-CVB.CNT 4.COP-PST

‘[Они вырыли яму.] Яма была все еще вырыта [оставалась вырытой дольше, чем предполагалось]’ (“The pit had been dug out”).

В описании А. Е. Кибрика перфективная континуативная конструкция носит название «перфект 2», а ее эквивалент в прошлом — «плюсквамперфект 2». В работе [Chumakina 2012: 40–42] для данной конструкции предлагается ярлык «инерциал» (inertial).

Заметим, что в отличие от «канонических» аналитических форм глагола, в континуативных конструкциях агенса переходного глагола выражается не эргативом, а абсолютивом (номинативом) [Кибрик 1977а: 189], что указывает на неполную степень грамматикализации данного типа аналитических форм.

Что же касается компонента ‘ситуация продолжается дольше, чем ожидалось’, то у нас нет уверенности в том, что он является неотъемлемой частью значения соответствующих арчинских конструкций, а не просто одной из возможных интерпретаций. Действительно, в семантической типологии показателей фазовой полярности одним из важных различий является противопоставление нейтральных и «контрфактических» показателей: последние описывают именно противоречие ожиданиям говорящего, а контрфактическим этот тип назван потому, что в данном случае сопоставляются не две упорядоченные по времени фазы, а две одновременные фазы — имеющая место и ожидаемая (см. обсуждение в работах [van der Auwera 1993; 1998; van Baar 1997: 27–40; Kramer 2017: 6–9] и др.). Так, говоря ‘она еще косит траву’, мы можем иметь в виду как то, что агенс действия косила траву до этого и продолжает косить сейчас, так и то, что она косит траву в тот момент, когда она, как предполагалось, уже должна была закончить осуществлять это действие. Арчинская конструкция, как и континуативные формы других лезгинских языков, судя по всему, совместимы с обеими интерпретациями: так, в переводах примеров континуативных форм в грамматике [Кибрик 1977а: 189, 191, 195, 197] специальным образом не подчеркивается противоречие ожиданиям говорящего.

Этимология суффикса континуативного деепричастия не обсуждается А. Е. Кибриком, однако можно обратить внимание на то, что близкую форму имеет локативный показатель *-та*, который используется с одушевленными именами, образуя форму

со значением ‘там, где живет данный объект’ [Там же: 58]. Этот же суффикс образует локативные деепричастия от любых финитных глагольных форм и способен присоединять показатели направления, ср. *wirχ^wni-ma* ‘там, где работал’, *wirχ^wni-ma-k* ‘туда, где работал’ (от формы аориста) [Там же: 105, 108]. Можно предположить, что континуативный суффикс — это исторически тот же самый локативный показатель, а *-t* — суффикс локализации SUPER ‘сверху’¹⁰; эта гипотеза ослабляется тем, что синхронно засвидетельствованы только сочетания локативного показателя *-ma* с показателями направления, но не локализации.

2.7. Удинский язык

В удинском языке представлена синтетическая парадигма глагольных форм. Связка *bi* совмещает функции собственно связки идентификации и локативного глагола ‘быть, находиться’ (при этом в ниджском диалекте *bi* используется только в последней функции), однако в аналитических формах не используется. Имеются периферийные аналитические формы с морфологически регулярным глаголом *bakes* ‘быть, стать’. Глагол *mandes* ‘оставаться’ не образует аналитических форм или каких-либо видо-временных конструкций с континуативным значением.

2.8. Выводы

Итак, аналитические конструкции с континуативным значением обнаруживаются в пяти из девяти лезгинских языков, см. таблицу 2. В четырех случаях (три восточнолезгинских языка и рутульский) это конструкции с имперфективным деепричастием, иногда также с перфективным деепричастием и инфинитивом, и стативным глаголом ‘оставаться’ в роли вспомогательного глагола. В одном случае (арчинский язык) это сочетание особого континуативного деепричастия, образуемого от имперфективной или перфективной основы, со связкой. В случае сочетания с имперфективной формой смыслового глагола конструкция описывает продолжение ситуации в момент наблюдения, в случае сочетания с перфективной формой — продолжение результирующей ситуации в момент наблюдения; при сочетании с инфинитивом (в агульском) — продолжающееся ожидание ситуации в будущем.

Только в лезгинском языке, а отчасти также в арчинском языке (начиная с грамматики А. Е. Кибрика 1977 г.) континуативные формы указываются в числе форм глагольной парадигмы наравне с каноническими аналитическими формами, образуемыми от простых деепричастий при помощи «обычных» вспомогательных глаголов; в агульском, табасаранском и рутульском языках континуативные конструкции по данным описаний относятся к периферии глагольной системы.

В остальных четырех лезгинских языках континуативные конструкции не отмечаются. В них отсутствует как стативный глагол ‘оставаться’ с *mV*-образным корнем, так и континуативные деепричастия (впрочем, последние представляют собой исключительную особенность арчинского языка).

¹⁰ Данная гипотеза предложена М. Э. Чумакиной; автор также благодарит М. А. Даниэля за обсуждение структуры и возможной этимологии арчинских форм.

Таблица 2

Континуативные конструкции и глагол ‘оставаться, все еще быть’
в лезгинских языках

	Континуативная конструкция	Стативный глагол ‘оставаться’
Агульский	IPFV.CVB + ‘оставаться’ INF + ‘оставаться’ (PFV.CVB + ‘оставаться’)	<i>ami, ame, amija, amea / amēja</i>
Табасаранский	IPFV.CVB + ‘оставаться’ PFV.CVB + ‘оставаться’	<i>ami, imi</i>
Лезгинский	IPFV.CVB + ‘оставаться’ PFV.CVB + ‘оставаться’	<i>ama</i>
Рутульский	IPFV.CVB + ‘оставаться’ (PFV.CVB + ‘оставаться’)	<i>ma⟨r⟩a (ma⟨b⟩a, ma⟨d⟩a)</i>
Цахурский	нет	нет
Будухский	нет	нет
Крызский	нет	нет
Удинский	нет	нет
Арчинский	PFV.CVB.CNT + связка IPFV.CVB.CNT + связка	нет

3. Лексические средства: глаголы и наречия

Кратко суммируем сведения об основных лексических средствах с континуативным значением, характерных для лезгинских языков, — это наречия со значением ‘все еще’, глаголы со значением ‘продолжаться’ (занимающие, однако, периферийное положение в лексической системе) и уже упоминавшиеся выше стативные глаголы со значением ‘оставаться, все еще быть’.

3.1. Наречия со значением ‘(все) еще’

В большинстве лезгинских языков имеется наречие *hala, hele* или *hālā* со значением ‘все еще’, ‘пока еще’; см. сводные данные в таблице 3. Единственным исключением является арчинский, в котором данная лексема не отмечена¹¹. Это наречие — арабизм, заимствованный либо непосредственно из арабского, либо уже из азербайджанского языка (в последнем случае отсутствие слова в арчинском неудивительно, поскольку его контакты с азербайджанским были минимальны). В качестве континуативного наречия лезгинского языка оно обсуждается в работе [van der Auwera 1998: 67, 126–127], в том числе с точки зрения происхождения (так, Й. ван дер Аувера отмечает, что возможным источником заимствования является кумыкский язык, однако это менее вероятно).

¹¹ В качестве наречия со значением ‘все еще’ в словаре [Чумакина и др. 2007] упоминается *an-saw / onsaw* (также *jansaw / jonsaw*), по всей видимости, не имеющее параллелей в других языках группы.

- (22) Рутульский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Алисултанов, Сулейманова 2019: 99]

эчбыр гъала хьикъыр адиш
eč-bir hala qiq'i-r a-diš
 яблоко-PL еще NPL.козреть.PFV-CVB IN.быть-PRS.NEG
 ‘яблоки пока еще не поспели’

- (23) Будухский [Мейланова 1984: 39]

заз гъала ад ирхъа дар
za-z hala a-d irqa-dar
 я-DAT еще тот-1 1.видеть.AOR-NEG.1
 ‘я еще его не видел’

- (24) Удинский (ниджский) [Гукасян 1974: 80]

БеъшI гъаляб хьо усенебу
be'sʰ hālū qo usen=e=bu
 впереди еще пять год=3SG=COP
 ‘впереди [перед нами] еще пять лет’

В агульском статус наречия *halla* не вполне ясен: хотя оно и по форме, и по значению напоминает соответствующие наречия родственных языков, в самом агульском данное слово членился как *hal=la* [сейчас=ADD] ‘и сейчас’. Ассимиляция аддитивной клитики *=ra* после /l/ происходит регулярно, хотя не является обязательной во всех агульских говорах: так, словарь [Рамазанов 2010] отмечает вариант *гъалра (halra)* наряду с *гъалла (halla)*. Таким образом, *halla*, скорее всего, является лексикализацией наречия ‘сейчас’ (также арабизма) в сочетании с аддитивом ‘и, тоже’, возникшей уже на агульской почве.

- (25) Агульский [Рамазанов 2010: 188]

а. гъалла киркIуна адава
hal=la kirk'u-na a-dawa
 сейчас=ADD заканчиваться.PFV-CVB IN.быть-PRS.NEG
 ‘до сих пор еще не кончилось’

б. гъалра гьетиса аме
hal=ra he-ti-sa ame
 сейчас=ADD EMPH-тот-LOC(IN) IN.оставаться.PRS
 ‘и поныне [и сейчас] там остался’

В лезгинском, табасаранском, цахурском и будухском в качестве синонимичного наречия отмечается *helelig / halalik*, явно заимствованное из азербайджанского (поскольку оно содержит тюркский суффикс *-lig*). В рутульском, цахурском и удинском имеется еще одно семантически близкое наречие с конечным компонентом *-ki* (вероятно, азербайджанским, а исходно персидским показателем зависимой предикации *ki*). В табасаранском наречии *mehele* ‘еще, пока что’ также можно выделить компонент, восходящий к *hele*.

- (26) ТАБАСАРАНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Ханмагомедов, Шалбузов 2001: 127]

узу гъелелиг дурхну ккудукIнадарза
uzu helelig d-urχ-nu k:uduk'-na-dar=za
 я еще PFV-учиться-PFV.CVB Н.заканчивать-PRF-COP.NEG=1SG
 ‘я еще не закончил учиться’

- (27) ЦАХУРСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Ибрагимов, Нурмамедов 2010: 133]

Гъалаки/гъалеки ишбы югда водонбы алгъааI
halaki / haleki iš-bi jug-da wo-d-on-bi alha:ʰ
 еще еще дело-PL хороший-ADV.NPL COP-NPL-ATTR-PL ИДТИ.IPFV
 ‘Пока дела идут хорошо’.

Интересно, что в ряде лезгинских языков отмечается наречие ‘еще’, имеющее корень типа *ta* или *te*, напоминающий корень континуативного глагола, см. таблицу 3. Это наречие, однако, передает значение ‘еще’ в смысле большего количества — ‘еще раз, больше, опять’ (28). Хотя исторически оно может быть когнатом континуативного глагола, синхронно наречие с данным корнем не используется как континуативное. (См., однако, раздел 4.2 о случаях использования наречий типа ‘еще, больше’ в континуативных контекстах Евангелия от Луки.)

(28) Лезгинский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Талибов, Гаджиев 1966: 227]

- а. садра мад ахлад
*sadra **mad** aχlad*
один.раз еще <RE>идти.IMP
‘еще раз сходи’
- б. мад хтанач
***mad** χ-t:a-na-č*
еще RE-УХОДИТЬ-AOR-NEG
‘больше не возвращался’

Таблица 3

Наречия со значением ‘еще’, ‘все еще’ в лезгинских языках

	Наречие типа <i>hala / hele</i>	Наречие типа <i>ta / te</i>	Источник
Агульский	<i>гъалла</i> ‘все еще, пока еще; до сих пор еще, и теперь еще, сейчас тоже’ <i>гъалра</i> ‘и теперь; и сейчас; и поныне; и до сих пор’	—	Рамазанов 2010
	<i>гъала</i> ‘все еще’		Мазанаев 2014
Табасаранский	<i>гъеле</i> ‘пока, пока еще, пока что’ <i>гъелелиг</i> = <i>гъеле</i>	(<i>мегъел</i> ‘еще, пока что’)	Ханмагомедов, Шалбузов 2001
Лезгинский	<i>гъеле</i> ‘пока еще’ <i>гъелелиг</i> ‘пока, пока что’	<i>мад</i> ‘еще; больше’	Талибов, Гаджиев 1966
Рутульский	<i>гъала</i> ‘пока еще’ <i>гъалаки</i> ‘до сих пор, пока; все еще’	<i>маа, маад, маада</i> ‘опять, снова; еще; еще раз’	Алисултанов, Сулейманова 2019
Цахурский	<i>гъала / гъале</i> ‘еще’ <i>гъалаки / гъалеки</i> ‘пока, еще’ <i>гъалалик / гъалелик</i> ‘еще, пока’	—	Ибрагимов, Нурмамедов 2010
	<i>hale</i> ‘еще; пока’ <i>haleki</i> ‘еще; пока’	<i>те-d</i> ‘еще; снова; еще раз; впредь’	Кибрик, Тестелец 1999
Будухский	<i>гъала</i> ‘пока, еще’ <i>гъалалик</i> ‘пока’	<i>ма</i> ‘еще, еще раз’	Мейланова 1984
Крызский	<i>hələ</i> ‘still, (not) yet’	<i>ta</i> ‘again, once more’	Hümmətov, Rind- Pawłowski 2020
Удинский	<i>hələ</i> ‘пока, пока что; еще, даже’ <i>hələki</i> ‘пока что, на время, временно’ <i>hala</i> ‘still’	—	Мобили 2010 Schulze 2001
Арчинский	—	—	Чумакина и др. 2007

3.2. Глаголы со значением ‘продолжать(ся)’

В лезгинских языках, как правило, отсутствует лексический глагол со значением ‘продолжать’ или ‘продолжаться’. Так, в существующих словарях рутульского, цахурского, арчинского и удинского языков не встречается глагольных словарных входов с соответствующими русскими переводами¹². Единственным исключением является сложный глагол с первым компонентом *dawam* (*davam*) и служебным глаголом ‘делать’ (для агентивного значения ‘продолжать’) или ‘быть, стать’ (для неагентивного значения ‘продолжаться’). Так, в агульском словаре [Рамазанов 2010: 248] отмечаются глаголы *dawam aq'as* (*давам акъас*) ‘продолжать, не прерывать что-л. (действие или бездействие)’ и *dawam xas* (*давам хъас*) ‘продолжаться, не прерываться’: здесь *dawam* — неизменяемый компонент, а *aq'as* ‘делать’ и *xas* ‘быть, стать’ — глаголы, несущие все словоизменительные показатели.

Сложные глаголы с компонентом *dawam* — их может быть два или один, в последнем случае это сочетание с ‘делать’, — зафиксированы в словарях агульского, лезгинского, табасаранского, будухского и крызского языков. Приводимые в словарных статьях немногочисленные примеры иллюстрируют использование переходного глагола ‘продолжать’ с пациентной именной группой (29); об употреблении соответствующих сложных глаголов с сентенциальным актантом или в качестве вспомогательного глагола сведений нет.

(29) ТАБАСАРАНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Ханмагомедов, Шалбузов 2001: 138]

ихъ рякъ давам аплухъа

<i>ix</i>	<i>ra'q:</i>	<i>davam</i>	<i>ap'u=xa</i>
мы(INCL).GEN	дорога	<продолжение>	делать.HORT=1PL.INCL

‘продолжим наш путь’

Компонент *dawam* в указанных языках, как правило, является связанным и не используется как самостоятельная лексема. Согласно работе [Селимов 2010: 210], это арабское заимствование. При этом копирование непосредственно в лезгинские языки могло произойти и через посредство азербайджанского, учитывая наличие азербайджанских суффиксальных производных типа (в табасаранском) *dawam-lu* ‘продолжительный, длительный, долгий’ и *dawam-suz* ‘непродолжительный, краткий, короткий’ [Ханмагомедов, Шалбузов 2001: 138], содержащих тюркские адъективные суффиксы.

3.3. Глаголы с корнем ‘оставаться, все еще быть’

Наличие стативного глагола со значением ‘оставаться, все еще быть’ является особенностью нескольких лезгинских языков, ср. лезгинское *ama*, табасаранское *ami* / *imi*¹³, агульское *ame* / *amea* / *ami* / *amija*, рутульское *ma<r>a* (*maa*, *ma<d>a*). Все эти глаголы описывают

¹² Заметим, что в достаточно большом по объему русско-рутульском словаре [Исмаилова 2011] вход «продолжать» или «продолжаться» в принципе отсутствует; то же верно относительно русско-агульского словаря [Мазанаев 2014], имеющего, правда, меньший объем.

¹³ В словаре [Ханмагомедов, Шалбузов 2001: 177] имеется словарный вход глагола *ими* ‘оставаться’, в котором форма *ами* не упоминается; эта форма, однако, фигурирует в нескольких примерах в других словарных статьях, хотя и намного реже, чем форма *ими*. В диалектологическом словаре табасаранского языка [Генко 2005: 76] также встречается форма *ими* ‘остаётся’, однако наряду с ней упоминаются также отрицательные формы настоящего времени этого глагола с другими основами — *амдар* ‘не остаётся’ (этегский говор) и *мидар* ‘не остаётся’ (кандикский говор) [Там же: 18, 119] (показателем отрицания является суффикс *-дар*).

продолжение существования или нахождения в определенном месте. Они являются **стативными** в том смысле, что описывают состояние во всех своих видо-временных формах, то есть могут выражать состояние в настоящем или прошедшем времени ('остаётся', 'оставался'), но, например, не вхождение в состояние ('остался', 'останется'). Другими примерами стативов в соответствующих языках является собственно связка, а также бытийный глагол 'быть, находиться': семантически 'оставаться, все еще быть' можно назвать континуативным эквивалентом статива 'быть, находиться'¹⁴.

(30) Лезгинский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Талибов, Гаджиев 1966: 46, 128]

а. багъда ичер ама

bak.d-a ič-er ama

сад-IN яблоко-PL IN.оставаться.PRS

'в саду ещё остались яблоки, ещё есть яблоки'

б. адахъ затІни амач

a.da-q zat'-ni ama-č

тот-POST вещь=ADD IN.оставаться-PRS.NEG

'ничего у него не осталось'

(31) ТАБАСАРАНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Ханмагомедов, Шалбузов 2001: 81, 265]

а. гьелелиг бегьем вахт ами

helelig behem waχt ami

еще достаточный время IN.оставаться.PRS

'еще осталось достаточно времени'

б. сабпарадар сарун амдар

sabpara-d-ar sarun am-dar

некоторый-SUBST-PL PTCL IN.оставаться-PRS.NEG

'иных уж нет'

(32) Агульский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Гасанова и др. 2020: 56]

Гьал хІур андава лисаъ, амма са пир аме гисаъ гьалра, шихдис акьунаеф.

hal ħur an-dawa lisa-ʔ, amma sa pīr

сейчас село IN.оставаться-PRS.NEG там.наверху-IN но один пир

ame gisa-ʔ hal=ra, šix.dī-s aq'u-naje-f

IN.оставаться.PRS там.внизу-IN сейчас=ADD шах-DAT делать.PFV-PTCP.PRF-SUBST

{Чуть выше села Дуруштул, в сторону Хореджа, располагалось старое село.} 'Сейчас его уже нет, но остались развалины, и там же стоит пир [святылище] святому шейху'.

(33) Рутульский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Алисултанов, Сулейманова 2019: 306]

а. гьанийды дид гьалаки сагъна мара

ha-nij-dī did halaki sav-na ma(r)a

тот-OBL.H-ATTR отец еще здоровый-ADV оставаться<1>.PRS

'его отец до сих пор здоровствует'

б. ер мабдиш

jer ma(b)-diš

место оставаться<3>-PRS.NEG

'не осталось места'

¹⁴ Так, в описании лучекского диалекта рутульского языка М. Е. Алексеев переводит глагол *ma(r)a* как 'continues, remains' [Alekseev 1994: 230], а С. М. Махмудова [2001: 130] дает перевод 'до сих пор есть, находится'; М. Хаспельмат переводит лезгинский глагол *ama* как 'be still, remain', называя его континуативным вариантом локативной связки *awa* 'be in' [Haspelmath 1993: 136–137, 322–323].

Стативы в указанных лезгинских языках являются особым морфологическим классом глаголов с **дефектной** парадигмой: они имеют лишь финитные синтетические формы настоящего и прошедшего времени, но, например, не обладают формами инфинитива, императива, будущего времени и т. п. Для связки и бытийного глагола эквивалентом, используемым в семантически или синтаксически недоступных им контекстах, является морфологически регулярный (обладающий полной парадигмой) глагол ‘быть, стать’, ср. лезгинский *xin*, табасаранский *xub* (*šub*), агульский *xas*, рутульский *hikis*. Для континуативного статива морфологически регулярным аналогом может выступать глагол с близким значением, имеющий другой корень, либо сложный глагол, включающий начальный компонент ‘оставаться’¹⁵.

Отметим, наконец, что в восточнолезгинских языках глагол ‘оставаться, все еще быть’ типа *ama / ame / ami* является **префиксальным** глаголом и содержит локативный префикс *a-* (< *ʔa-*) ‘внутри’. В этих языках имеется ряд однокоренных глаголов с различными локативными префиксами (ср. лезгинские глаголы *ala-ma* ‘оставаться сверху’, *ku-ma* ‘оставаться под’, *gala-ma* ‘оставаться сзади’ и др.), однако беспрефиксальная основа не используется. В рутульском отмечен как беспрефиксальный глагол (собственно *ma(r)a*), так и префиксальные производные (ср. *ka-ma(r)a* ‘оставаться сверху’, *gi-ma(r)a* ‘оставаться под’, *qi-ma(r)a* ‘оставаться сзади’ и др.). В роли вспомогательного глагола в континуативной конструкции в восточнолезгинских языках используется глагол с префиксом ‘внутри’, в рутульском — беспрефиксный глагол.

Иногда в описаниях конечный компонент основы континуативных глаголов рассматривается как суффикс, следующий за корнем стативного глагола ‘быть, находиться’ (ср. такую точку зрения применительно к табасаранскому *-mi* в [Магомедов 1965: 242; Курбанов 2001: 446]). По нашему мнению, для такого анализа нет оснований, и в глаголах ‘все еще быть, оставаться’ следует выделять корень *-mV* (*-ma*, *-me*, *-mi*), которому может предшествовать локативный префикс либо (как в случае рутульского) не предшествовать ничего.

Несмотря на его сохранность лишь в части языков лезгинской группы, представляется, что корень может быть восстановлен и для пралезгинского, хотя его категориальная принадлежность и семантика не вполне ясны. С. Л. Николаев и С. А. Старостин реконструируют пралезгинский глагольный корень **ʔima(n)-* ‘to stay’ на основе данных лезгинского, табасаранского, агульского и рутульского, но включают в то же гнездо и арчинское *imm(a)-ex:as* [Nikolayev, Starostin 1994: 210]. Однако в арчинском первым компонентом сложных глаголов *imm(a)-ex:as* ‘оставаться’ и *imm(a)-aq:as* ‘оставлять’ является форма локативного деепричастия связки *i*, т. е. ‘там же будучи’¹⁶. Таким образом, если данный пралезгинский корень сохранился в арчинском, то лишь в виде суффиксального показателя континуативного деепричастия *i*, предположительно, локативного деепричастия. Это теоретически может означать, что исходный пралезгинский корень не был глагольным, а представлял собой наречие (со значением типа ‘там же’ или ‘тогда же’), которое в восточнолезгинских языках лексикализовалось в виде глагола в сочетании со связкой (‘там же / тогда же есть’), а в арчинском — грамматикализовалось в показатель деепричастия. Наречия с корнем *mV-* ‘еще’ существуют и в современных лезгинских языках (см. раздел 3.1).

В удинском языке глагол ‘оставаться’ с основной *mand-* является морфологически регулярным, а не стативом с дефектной парадигмой. Несмотря на начальное *m-*, он

¹⁵ Так, в хпнокском диалекте агульского языка имеется близкий по значению динамический глагол *ilgʷas* ‘оставаться’, сложный глагол *ame-xas*, состоящий из основы *ame-* ‘оставаться’ и служебного глагола *xas* ‘быть, стать’, а также глагол *am-ilgʷas*, представляющий собой контаминацию основы континуативного глагола с регулярным глаголом *ilgʷas*.

¹⁶ Более точно, *imma* < **i-e:n-ma*, где *i* — это связка, *-e:n* — это суффиксальный показатель всеобщности, а *-ma* — это суффикс локативного деепричастия [Кибрик 1977б: 287].

вряд ли может являться когнатом обсуждавшихся выше глаголов, поскольку почти наверняка представляет собой заимствование персидского *māndan* ‘оставаться’ [Schulze 2001: 297].

4. Континуативные контексты в переводах Евангелия от Луки

Итак, мы рассмотрели лексические средства (глаголы и наречия), а также специализированные грамматические средства (аналитические формы), которые в лезгинских языках используются для выражения континуативного значения ‘продолжать делать’. Теперь на материале параллельных переводов Евангелия от Луки мы рассмотрим различия между лезгинскими языками в том, какие именно языковые средства использованы при переводе 17 континуативных контекстов, выделенных А. Б. Пановой. К сожалению, сделать это для всех девяти языков лезгинской группы невозможно, поскольку Евангелие от Луки не переведено на крызский, будухский и арчинский языки. Для всех остальных шести языков мы рассмотрели переводы 17 контекстов и закодировали использованные в данных переводах средства выражения континуативного значения; выходные данные всех переводов приведены в списке источников в конце работы, а собственно переведенные контексты собраны в приложении. Для удинского языка, имеющего несколько вариантов перевода Евангелия от Луки (см. подробнее [Майсак 2019]), мы взяли для рассмотрения два — выполненный варташенским священником Семеном Бежановым в последние годы XIX в. перевод на варташенский диалект и выполненный профессиональной переводческой группой в 2010-е гг. перевод на ниджский диалект¹⁷.

Таким образом, всего было привлечено семь переводов Евангелия от Луки на шесть лезгинских языков. Все рассмотренные в этих семи переводах 17 континуативных контекстов можно представить в виде таблицы со 119 клетками. При этом, как оказалось, лишь в меньшинстве клеток (а именно, 52, т. е. менее половины) в переводах соответствующих контекстов было использовано хотя бы одно из описанных в разделах 2 и 3 средств выражения континуативного значения. Далее в этом разделе мы рассмотрим встретившиеся средства, в том числе их совмещение в рамках одного контекста. После этого в разделе 5 мы сосредоточимся на обобщениях, связанных с использованием конкретных языковых средств в конкретных языках или при переводе конкретных контекстов.

4.1. Отсутствие специализированных средств

Как отмечается в типологическом исследовании [Панова 2023: 438], «контексты, имеющие необходимые семантические условия для употребления показателя фазовой полярности, далеко не всегда действительно содержат эти показатели». Аналогично, в нашем случае в значительном числе переводов интересующих нас контекстов (более половины, а именно 56 %) собственно континуативное значение специальным образом никак не выражено. В подавляющем большинстве случаев это контексты, в которых использована зависящая клауза с темпоральным значением (чаще всего с формой, образованной от имперфективной основы глагола) типа ‘когда делал’, ‘когда происходило’.

¹⁷ Теоретически в нашем распоряжении мог оказаться и текст Евангелия от Луки, переведенный более тысячи лет назад на кавказско-албанский язык, однако в сохранившихся листах кавказско-албанских палимпсестов, найденных в Синайском монастыре (см. публикацию [Gippert et al. 2008]), соответствующие фрагменты данной книги отсутствуют.

В том, какие средства использовались для кодирования предиката в темпоральных клаузах, отразились определенные конкретно-языковые предпочтения. Так, в восточнолезгинских языках отмечаются как простые имперфективные деепричастия (типа ‘делая’, ср. (34)), так и специальные темпоральные конвербы (‘когда делал’). В цахурском и ниджском удинском использованы преимущественно именно темпоральные конвербы, ср. частотную форму на *-nga* в цахурском (35). Еще одна распространенная в языках левого ветвления стратегия — причастная клауза, вершиной которой служит слово со значением ‘время’, т. е. буквально, ‘в делаемое время’, ср. (36). В варташенском же удинском, напротив, доминирует стратегия оформления временного придаточного «индоевропейского» типа — это клауза с начальным союзом ‘когда’ и финитной глагольной формой (37).

(34) АГУЛЬСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

Гъеге дугъIера аркъай, <...>.

he-ge düŕe=ra arq'a-j

EMPH-TOT молитва=ADD делать.IPFV-CVB

‘И, благословляя (букв. «ту молитву тоже делая»), <...>’. (Лк. 24:51)

(35) ЦАХУРСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

Манкъве манбы мубарак гъааъанкъаI, <...>.

ma-n-G^w-e ma-n-bi mubarak ha:ʔa-nga^f

TOT-ATTR-OBL.H-ERG TOT-ATTR-PL благословение HPL.делать.IPFV-TEMP

‘И, благословляя (букв. «он их когда благословение делал»), <...>’. (Лк. 24:51)

(36) ТАБАСАРАНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

Дугъу гъаци кIурайи вахтна, <...>.

du.ku ha-ci k'u-raji waxt.na

TOT.H(ERG) этот-MNR говорить.IPFV-PTCP.PRS время(IN)

‘И он еще не успел договорить (букв. «он так в говоримое время»), <...>’. (Лк. 9:34)

(37) УДИНСКИЙ (ВАРТАШЕНСКИЙ)

evaxte šet'in exnei mot'ux

evaxte še-t:-in ex-ne-j mo-t'-ux

когда TOT-OBL-ERG говорить.PRS-3SG-PST этот-OBL-DAT

‘И он еще не успел договорить (букв. «когда он говорил это»), <...>’. (Лк. 9:34)

Независимые клаузы в интересующих нас контекстах редки, однако также встречаются. Так, в большинстве переводов контекста 18:22 (‘одного тебе не хватает’) использованы предложения со связкой в настоящем времени типа ‘одна вещь тебе недостающая есть’, при этом присвяточным предикатом может быть как прилагательное ‘недостающий’, так и причастие от глагола ‘не хватать’. В табасаранском данная фраза, однако, содержит форму отрицательного презенса глагола *hubk'ub* ‘быть достаточным’. Контекст 14:22 (‘но еще остались свободные места’) на подавляющее большинство языков также переведен финитной клаузой настоящего времени, в том числе с использованием глагола ‘все еще быть’ (см. ниже), однако в ниджском удинском использована форма аориста *manedi* регулярного глагола ‘оставаться’, букв. «еще лишние места остались».

В целом ряде случаев интересующий нас фрагмент не содержал глагола и был передан адвербиальной или именной группой. Так, в контексте 12:58 (‘по дороге’) в трех восточнолезгинских языках использованы глагольные клаузы типа ‘все еще находясь в дороге’, тогда как в рутульском, цахурском и обоих вариантах удинского соответствующий фрагмент предложения содержит лишь именную группу ‘в дороге’ (в одном из локативных падежей), ср. рутульское *ri'G-a* [дорога-IN] ‘в дороге’. В цахурском переводе контекста 24:44 (‘еще когда был с вами’), в отличие от остальных языков, где была использована деепричастная или темпоральная форма глагола, употреблена адвербиально-темпоральная форма

местоимения, ср. *šo-ka-na-nga*^с [вы-COMIT-ADV-TEMP] ‘с вами’ (суффикс *-nga*^с — тот же, который образует темпоральные конвербы).

Наконец, имеются единичные контексты, в которых соответствующий фрагмент просто не был передан в переводе. Так, в переводе на рутульский контекста 9:34 (‘и он еще не успел договорить’) отсутствует описание ситуации продолжения говорения, фраза начинается с зависимой клаузы ‘до того, как это закончилось’.

4.2. Использование наречий

Наречия, подчеркивающие континуативную семантику, использованы в 29 переводах (24 %). Можно заметить, что континуативный глагол ‘все еще быть’ и образуемая им континуативная конструкция в значительной степени дополнительно распределены по отношению к наречиям — в переводах на восточнолезгинские языки и рутульский, в которых такие средства имеются, наречия использованы лишь 8 раз, подавляющее же большинство наречий приходится на цахурский и удинские переводы.

В основном в переводах встретилось наречие типа *hala* ‘все еще’. Заметим, что в восточнолезгинских языках и рутульском во всех случаях, кроме двух, наречие было использовано вместе с глагольным континуативным средством (глаголом ‘все еще быть’), как бы «усиливая» его, ср. контекст 24:06 в рутульском (38). В двух случаях наречие фигурирует в клаузе с деепричастием, ср. перевод на лезгинский контекста 24:41 (39).

(38) Рутульский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

гъала Галилеяди марана

hala galileja.di ma(r)a-na

еще Галилея(IN) оставаться<1>-CVV

‘еще будучи в Галилее’ (Лк. 24:06)

(39) Лезгинский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

Абуру шадвилай, гъеле ч'алахъ тахъана (...).

a-bur.u šad-wil-äj, hele č'al.a-q t'a-xa-na

tot-PL(ERG) радостный-ABSTR-IN.EL еще речь-POST NEG-стать-PFV.CVV

‘Они от радости никак не могли поверить (...)’. (Лк. 24:41)

В цахурском и удинских переводах, как правило, наречие ‘все еще’ выступает в тех же самых контекстах, где в восточнолезгинских языках и рутульском употреблен континуативный глагол. Так, в контексте 14:32 (‘пока тот еще далек’) все три восточнолезгинских языка используют глагол ‘все еще быть’ в форме деепричастия (и без наречия ‘все еще’), тогда как цахурский и оба удинских диалекта — темпоральные формы глагола или локативное наречие (40) в сопровождении наречия ‘все еще’.

(40) Цахурский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

гъале шена падишагъ акъаІнананкъаІ

hale še-na padišah aq'a'na-na-nga^с

еще тот-ATTR падишах далеко-ADV-TEMP

‘пока тот царь еще далеко’ (Лк. 14:32)

Впрочем, это не обязательно: так, в контексте 9:42 (‘когда мальчик подходил’) в цахурском и варташенском удинском переводах имеется наречие ‘все еще’ при конвербе или финитной форме глагола (41), тогда как во всех остальных языках использована просто имперфективная темпоральная форма без дополнительных средств, подчеркивающих континуативность.

(41) УДИНСКИЙ (ВАРТАШЕНСКИЙ)

evaxte šono hala enesai

evaxte šo-no **hala** e-ne-sa-j

когда тот-ABS еще приходить-3SG-PRS-PST

‘Когда он еще подходил (...)’. (Лк. 9:42)

Помимо наречия *hala* ‘все еще’, лишь четырежды в переводах было употреблено другое наречие, а именно цахурское *me-d* ‘еще, больше’ и удинское *p:uran* ‘еще, опять’ (трижды в варташенском переводе). Так, в обоих языках это наречие сопровождает связочное предложение в контексте 14:22 (‘но еще остались свободные места’).

(42) ЦАХУРСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

Амма суфрайл мед джигабь водонбы (...).

amma *sufra.ji-l* **me-d** žiga-bi wo-d-on-bi

но стол-SUPER еще-NPL место-PL COP-NPL-ATTR-PL

‘но еще остались свободные места’ (Лк. 14:22)

Интересно, что в одном варташенском переводе использовано сразу два наречия, а именно *hala* ‘все еще’ и *p:uran* ‘еще, опять’, ср. *hala p:uran aitt:exai šet:in*, букв. «еще опять говорил он» в контексте 22:60 (‘когда он это говорил’).

4.3. Использование регулярных глаголов ‘продолжаться’ и ‘оставаться’

Глагол ‘продолжаться’ ни в одном языке не встретился ни в одном из контекстов. Что касается регулярного (не стативного) глагола ‘оставаться’, то такой глагол отмечен в переводах дважды. Как уже отмечалось выше, в переводе на ниджский удинский глагол *mandes* ‘оставаться’ встретился в форме аориста в контексте 14:22 ‘еще остались свободные места’ (в этой клаузе употреблено и наречие ‘все еще’).

Кроме того, в рутульском переводе контекста 24:41 (‘они (...) никак не могли поверить’), в котором в целом по языкам обнаружилась большая вариативность в выборе средств выражения, использована форма презенса глагола *gergas* ‘оставаться’, букв. «они от радости не поверив, удивляясь остаются».

4.4. Использование стативного глагола ‘все еще быть, оставаться’

Использование стативного глагола ‘все еще быть’ характерно лишь для четырех языков из шести, и в них оно почти так же частотно, как использование континуативных наречий (22 употребления, т. е. 32 % контекстов, принимая во внимание только четыре языка, в которых имеются стативы с данным значением). В основном использован глагол ‘все еще быть’ с префиксом локализации IN ‘внутри’ либо (в рутульском) беспрефиксный глагол. Дважды, причем в одном и том же контексте 15:20 (‘он был еще далеко’), употреблен глагол с другим префиксом локализации — SUPER ‘сверху’ (в агульском) либо POST ‘сзади’ (в рутульском). Этот контекст интересен тем, что глагол с корнем ‘все еще быть’ использован во всех четырех языках; к нему примыкает почти тождественный по значению контекст 14:32 (‘пока тот еще далеко’), в котором во всех трех восточнолезгинских языках мы также видим глагол ‘все еще быть’, а в рутульском соответствующий фрагмент стиха не был отражен в переводе.

(43) Агульский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

те вархайи ами

*te warχa.ji ami*¹⁸

тот далеко(IN) IN.оставаться.CVB

‘пока тот еще был далеко’ (Лк. 14:32)

(44) Агульский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

вархайил алми димари

warχa.ji-l almi dimari

далеко-SUPER SUPER.оставаться.CVB до.тех.пор

‘пока еще был далеко’ (Лк. 15:20)

В 14:32 и 15:20 континуативный глагол возглавляет зависимую клаузу и имеет форму деепричастия, лишь в рутульском переводе 15:20 мы видим финитную клаузу прошедшего времени. Еще один контекст, где во всех четырех языках использован глагол ‘все еще быть’, — это 14:22 (‘но еще остались свободные места’), здесь глагол выступает в форме презенса. В целом же в подавляющем большинстве случаев глагол ‘все еще быть’ выступает в форме деепричастия (‘все еще будучи, оставаясь’, ‘когда оставался’ и пр.).

Глаголы с корнем ‘все еще быть’ с префиксами, отличными от префикса локализации IN ‘внутри’, использованы также в контексте 24:44 (‘еще когда был с вами’) — это *galama* в лезгинском и *qimi* в табасаранском, оба с префиксами локализации POST ‘сзади’¹⁹.

(45) Лезгинский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

Гъеле Зун квехъ галамайла

hele zun k^we-q galama-j-la

еще я вы-POST POST.оставаться-PTCP-TEMP

‘еще когда я был с вами’ (Лк. 24:44)

Напомним, что, как показывает пример (45) и как уже упоминалось выше, в некоторых из контекстов употребления глагола ‘все еще быть’ дополнительно используется и наречие ‘все еще’.

4.5. Использование континуативной конструкции

Наконец, наиболее грамматикализованное и наиболее интересное для нас в этом отношении средство выражения континуативности, а именно аналитическая конструкция, использована сравнительно мало — 7 раз, причем в основном (по 3 раза) в табасаранском и рутульском языках, лишь 1 раз в лезгинском и ни разу в агульском. Главным образом использована форма континуативного презенса, хотя во всех без исключения случаях вспомогательный глагол имеет форму деепричастия или причастия, то есть континуативный презенс возглавляет зависимую клаузу — модифицирующую имя или адвербиальную.

Табасаранский и рутульский проявляют удивительный параллелизм — в них континуативная конструкция (с деепричастной формой вспомогательного глагола) используется в одних и тех же трех контекстах, причем все они описывают ситуацию продолжения говорения, ср. 8:49 (‘Иисус не успел договорить’), 22:47 (‘когда Он это говорил’) и 22:60 (‘когда он это говорил’).

¹⁸ Заметим, что в агульских переводах контекстов 14:32 и 15:20 имеется характерное для агульского языка «согласование» локативной формы (в данном случае — наречия) и локативного преверба, ср. падеж и преверб локализации IN в первом случае и SUPER — во втором.

¹⁹ Использование другой локализации связано с семантическими изменениями и переосмыслением пространственных конфигураций как обозначений более абстрактных отношений — в данном случае, с осмыслением локализации POST как указывающей на нахождение при ком-то, с кем-то.

(46) ТАБАСАРАНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

Дугъу гьамци кІури ими́ди, <...>.

<i>du.ku</i>	<i>ham-ci</i>	<i>k'u-ri</i>	<i>imi-di</i>
ТОТ.Н(ERG)	ЭТОТ-MNR	ГОВОРЯТЬ.IPFV-CVB	ИН.ОСТАВАТЬСЯ-CVB

‘когда Он так говорил (букв. «он так продолжая говорить»)» (Лк. 22:47)

(47) РУТУЛЬСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

Гъание гъааса рухъура ма́рана, <...>.

<i>ha-nij-e</i>	<i>ha:-sa</i>	<i>ruxu-ra</i>	<i>ma<r>a-na</i>
ТОТ-OBL.Н-ERG	ТОТ-MNR	4.ГОВОРЯТЬ.IPFV-CVB	ОСТАВАТЬСЯ<1>-CVB

‘когда Он так говорил (букв. «он так продолжая говорить»)» (Лк. 22:47)

Во всех этих случаях смысловой глагол в составе конструкции имеет форму имперфективного деепричастия. Единственное исключение — контекст 8:49 в рутульском переводе, где употреблена конструкция *huxu-r ma<d>a-na* [говорить.PFV-CVB оставаться<4>-CVB] с перфективным деепричастием, т. е. буквально ‘сказав оставаясь’, а не ‘говоря оставаясь’.

Еще одно употребление, единственное отмеченное в лезгинском переводе, зафиксировано в другом контексте, а именно 12:58 (‘по дороге’) — как уже упоминалось выше, в этом месте большинство языков используют не глагольную конструкцию, а просто локативную именную группу. В лезгинском данный смысл выражен как ‘все еще будучи (с ним) в дороге’, *žezmaj q'ʷan* представляет собой темпоральную форму, состоящую из причастия от континуативного презенса глагола ‘быть, стать’ в сочетании со служебным словом ‘настолько, вплоть до’.

(48) ЛЕЗГИНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

жезмай кьван адахъ галаз рекъе туьхкІуькІ

<i>že-z-ma-j</i>	<i>q'ʷan</i>	<i>a.da-q</i>	<i>gala-z</i>	<i>req'-e</i>	<i>tü<χ>k'ük'</i>
СТАТЬ-IPFV-CNT-PTCP	ВПЛОТЬ.ДО	ТОТ-POST	POST.БЫТЬ-CVB	ДОРОГА-IN	<RE>МИРИТЬСЯ(IMP)

‘помиришься с ним по дороге (букв. «пока будучи вместе с ним в дороге помирись»)» (Лк. 12:58)

5. Обсуждение

В данном разделе мы обсудим следующие вопросы:

- какие из 17 континуативных контекстов Евангелия от Луки оказались «наилучшими» с точки зрения частотности использования в них средств выражения континуативного значения в языках нашей выборки?
- какие из языков нашей выборки в наибольшей степени задействовали те или иные средства выражения континуативного значения при переводе 17 контекстов?
- насколько соответствуют стратегии выражения континуативного значения в переводе контекстов тому, что было известно о наличии грамматических и лексических средств выражения данного значения в соответствующих языках?

5.1. Контексты

Классифицировать средства выражения континуативного значения можно с различной степенью дробности. Если мы разделим эти средства на глаголы (включив сюда использование глагола ‘все еще быть, оставаться’ в качестве как лексического, так

и вспомогательного глагола) и наречия (включив сюда наречия ‘все еще’, а также ‘еще, больше’), то рассмотренные 17 контекстов можно представить в виде следующих четырех групп (таблица 4)²⁰. Хотя теоретически в каждом из контекстов мы могли бы ожидать как использование глагольного средства (максимальное значение 4, поскольку такие средства отмечаются лишь в четырех языках перевода), так и использование наречия (максимальное значение 7, поскольку такие средства отмечаются во всех языках перевода), в действительности лишь в небольшом числе контекстов континуативные глаголы были использованы 3 или 4 раза, а максимальное число переводов одного контекста с использованием континуативного наречия также составило 4.

Таблица 4

Распределение средств выражения по континуативным контекстам

Группы	Глаголы	Наречия	Контексты
I	0	0	3:21, 9:34, 19:33, 24:51
	0	1	18:22
	0	2	9:42
II	0 (1)	4	24:41
	2	1	9:43
	2	3	22:60
	2	4	24:06
III	3	0	12:58
	3	1	22:47, 24:44
	3	2	8:49
	3	3	14:32
IV	4 (5)	4	14:22
	4	4	15:20

В первую группу входят четыре контекста, в которых ни в одном языке не было использовано ни одного специального средства, а также два контекста, в которых были использованы только наречия, причем только 1 или 2 раза (укажем здесь, что наречия встретились в цахурском и варташенском удинском переводах). В этих контекстах в подавляющем большинстве случаев континуативная ситуация была передана темпоральной придаточной клаузой и нефинитной имперфективной формой глагола, за исключением 18:22, где была использована связочная конструкция.

Вторая группа является промежуточной и включает четыре контекста, в которых континуативные глаголы были использованы, но не в большинстве языков (т. е. лишь 1 или 2 раза), а наречия были использованы от 1 до 4 раз. Контекст 24:41 мы относим сюда же, поскольку, во-первых, в нем отмечается максимальное для имеющихся переводов использование наречий и, кроме того, в рутульском переводе в данном контексте использован регулярный глагол ‘оставаться’ (см. раздел 4.3).

В третьей группе пять контекстов, в которых континуативные глаголы использованы в большинстве языков (а именно, в трех из четырех), а наречия использованы от 1 до 3 раз. Наконец, четвертая группа включает контексты с наибольшими значениями: континуативные глаголы использованы во всех четырех переводах, где они в принципе возможны,

²⁰ В таблицах 4 и 5 в столбце «Глаголы» в скобках указано число употреблений при учете регулярного глагола ‘оставаться’ (по одному разу в рутульском и ниджском удинском переводах).

и число использованных наречий также максимально. Таких контекстов всего два, ‘еще остались свободные места’ и ‘он был еще далеко’ — теоретически, третьим в этой группе мог бы стать 14:32 ‘пока тот еще далеко’, однако этому «помешало» то, что в рутульском переводе соответствующий фрагмент не был передан. Таким образом, контексты 14:22 и 15:20 становятся «чемпионами» по частотности использования в рассмотренных семи переводах как грамматикализованных средств, так и лексических средств выражения континуатива, а контексты III группы идут в этой иерархии следом за ними.

Еще раз напомним, что использование глагольного средства и использование наречия не являются взаимоисключающими стратегиями: в четырех контекстах (а именно: 14:22, 15:20, 24:06 и 24:44) в лезгинском, табасаранском и/или рутульском языках встречаются переводы, в которых в одном и том же контексте употреблен и глагол ‘все еще быть’, и наречие ‘все еще’.

5.2. Языки

С точки зрения частотности использования тех или иных средств выражения континуативности языки нашей выборки делятся прежде всего на те, которые обладают глаголами ‘все еще быть, оставаться’ (восточнолезгинские и рутульский), и языки без таких глаголов (цахурский и удинский).

Если говорить об употреблении континуативной конструкции (в основном это континуативный презенс ‘все еще делает’), то чаще всего она встречается в табасаранском и рутульском (по 3 раза). Использование лексического глагола ‘все еще быть’ наиболее распространено в переводах на восточнолезгинские языки (5–7 раз). По сумме всех контекстов употребления конструкции и лексического глагола «чемпионом» оказывается табасаранский язык, хотя три других языка отстают от него лишь ненамного. Во всех языках, кроме агульского, отмечается и использование наречий ‘все еще’, хотя только по 2–3 раза.

Принципиальных различий между тремя переводами, в которых из средств выражения континуативности использованы только наречия, нет: во всех из них наречие ‘все еще’ более частотно (5–6 раз), чем в остальных четырех языках. Можно отметить разве что использование других наречий, прежде всего ‘еще, больше’, в двух переводах из трех. В цахурском и варташенском удинском переводах можно усмотреть влияние Синодального русского текста: в 6 случаях в цахурском и 7 случаях в варташенском удинском наречия использованы в тех же контекстах, что и *еще* в русском переводе²¹.

Таблица 5

Распределение средств выражения по языкам

	Конструкция	Глагол	Наречия	Сумма
Лезгинский	1	7	3	11
Табасаранский	3	5	2	10
Агульский	0	6	0	6
Рутульский	3	3 (4)	3	9
Цахурский	—	—	5 + 2	7
Удинский (нидж.)	—	— (1)	6	6
Удинский (варт.)	—	—	6 + 3	9

²¹ О том, что для употребления показателя континуатива в соответствующем контексте «важным фактором оказывается наличие или отсутствие показателя континуатива в тексте, с которого

Суммировав частотность употребления глаголов и наречий, можно получить оценку того, поддерживается ли выражение континуативного значения хотя бы каким-либо средством (помимо общего имперфективного, стативного или результативного аспектуального значения). Здесь вновь «выигрывают» табасаранский, а также лезгинский языки с максимальными значениями 10 и 11, т. е. в соответствующих переводах хотя бы одно из средств использовано в 10 или 11 контекстах из 17.

5.3. Выводы

Итак, сделанные обобщения о распределении средств выражения континуативности в семи переводах позволили выявить те контексты, в которых лезгинские языки нашей выборки чаще всего использовали соответствующие средства. Само по себе значительное различие между 17 континуативными контекстами в том, насколько часто в языках для перевода данных контекстов выбираются специальные средства, неудивительно и отмечено в работе А. Б. Пановой. В ее выборке из 33 переводов число языков, использовавших показатель континуатива в определенном контексте, варьирует от 22 (в 14:22) и 25 (в 15:20) до 3 (в 3:21) и 4 (в 24:51) [Панова 2023: 446–449]. По всей видимости, данная иерархия контекстов всегда будет лингвоспецифичной, однако нельзя не заметить, что крайние точки иерархии в выборке А. Б. Пановой совпадают с таковыми для семи переводов на лезгинские языки, в которых именно контексты в стихах Лк. 14:22 и 15:20 демонстрируют наибольшие значения (см. таблицу 4 выше).

Мы также смогли установить, в каких из семи переводов на лезгинские языки средства выражения континуатива — как специализированные, так и нет — использовались чаще всего. В основном наблюдаемая ситуация здесь подтверждает то, что можно было ожидать исходя из описаний соответствующих языков. Отметим прежде всего, что хотя в описаниях восточнолезгинских языков и рутульского континуативные конструкции не всегда занимают достойное место, тем не менее, в двух других языках — цахурском и удинском — никакого специального средства выражения континуатива помимо наречий рассмотренные контексты не обнаружили, подтвердив, таким образом, что в данных языках такого рода средства отсутствуют (а не просто не были замечены авторами описаний).

Грамматикализованная континуативная конструкция с глаголом ‘все еще быть, оставаться’ была использована редко: по три раза в табасаранском и рутульском, один раз в лезгинском и ни разу в агульском. Такой результат слабо коррелирует со степенью интеграции конструкции в видо-временную систему: в лезгинском языке континуативные аналитические формы уже морфологизованы и включаются в глагольную парадигму, в отличие от остальных трех языков. Тем не менее, в целом цифры настолько невелики, что делать какие-то определенные выводы о степени грамматикализации континуативной конструкции на основе ее частотности в переводе кажется преждевременным. А. Б. Панова [2023: 435] в своей статье высказывает предположение о том, что «число вхождений показателей континуатива в континуативных контекстах (по отношению к общему числу континуативных контекстов в тексте) можно интерпретировать как оценку степени грамматикализации этих показателей», хотя далее автор и делает оговорку о том, что предложенный метод упрощает реальную картину. В нашем случае континуативные контексты Евангелия от Луки подтверждают большую степень грамматикализации выражения континуативного значения в восточнолезгинских языках и рутульском, но скорее не противопоставляют

делался перевод» (например, древнегреческого или английского), пишет и А. Б. Панова [2023: 452]. В нашем случае, как мы отмечали во Введении, нет оснований предполагать, что какой-то из переводов Евангелия от Луки был выполнен с одного конкретного языка, за исключением варташенского удинского перевода конца XIX в., сделанного с русской Синодальной версии.

по степени грамматикализации континуатива последние четыре языка между собой. В целом же восточнолезгинские языки и рутульский, имеющие особые континуативные глаголы и глагольные формы, занимают промежуточное место на условной «иерархии» языков по степени грамматикализации континуатива, отраженной в частотности его использования в 17 контекстах: по данным работы [Панова 2023], максимальное число вхождений (12 случаев) среди языков ее выборки отмечено в одном из языков Южной Америки (мапуче), в значительном числе языков число таких вхождений составляет 3–4 (в двух языках показатели континуатива не встретились ни в одном контексте).

Заметим, что если не различать употребления в переводах континуативной конструкции и лексического глагола ‘все еще быть, оставаться’, то разница между четырьмя языками окажется несущественной (во всех четырех от 6 до 8 употреблений). В целом между использованием глагола ‘все еще быть, оставаться’ как самостоятельной вершины клаузы и континуативной аналитической формой, включающей этот же глагол в качестве вспомогательного, нет принципиального различия. Можно считать, что, выражая континуативность существования или нахождения субъекта, мы могли бы использовать аналитическую континуативную форму от глагола ‘быть, находиться’ (условно, «будучи оставаясь»), однако такую форму мы не используем, поскольку данный смысл лексикализован уже в самом глаголе ‘все еще быть’ типа лезгинского *ата* или рутульского *ma<d>a*. Поэтому относительная редкость континуативной конструкции в переводах может объясняться прежде всего тем, что в значительной части контекстов речь идет именно о продолжении ситуации бытия, нахождения (ср. ‘будучи еще в дороге’, ‘будучи еще далеко’, ‘будучи еще в Галилее’, ‘места еще есть’ и пр.), где употреблена соответствующая лексема.

Ожидаемым также кажется тот факт, что в языках без специализированных континуативных глаголов или конструкций (т. е. в цахурском и удинском) наречия ‘все еще’ и ‘еще, больше’ оказались в переводах более частотными. В случае цахурского и варташенского удинского переводов возможно влияние Синодального русского перевода Евангелия от Луки. Для варташенского перевода XIX в. такое влияние бесспорно и не раз отмечалось в литературе (см., например, [Schulze 2001; Сихарулидзе 2008]). Для современных же переводов Института перевода Библии мы в целом считаем влияние русского языка маловероятным, хотя эта тема нуждается в дополнительном исследовании (и не только на материале континуативных контекстов).

6. Заключение

В данной работе мы суммировали сведения о средствах выражения континуативного значения (‘все еще делать’, ‘продолжать делать’) в лезгинских языках с фокусом на такие специализированные и специфические именно для данной группы нахско-дагестанской семьи средства, как стативные глаголы со значением ‘все еще быть, оставаться’ и аналитические континуативные конструкции с ними в роли вспомогательных глаголов. Континуативные бытийные глаголы со значением ‘все еще быть, оставаться’ отмечены в четырех языках группы — трех восточнолезгинских (агульском, лезгинском и табасаранском) и рутульском, в других языках они отсутствуют, хотя в них могут иметься не стативные глаголы с близким значением. Континуативные конструкции с деепричастиями и инфинитивом смыслового глагола (чаще всего — с имперфективным деепричастием) отмечаются в тех же четырех языках, хотя занимают в описаниях этих языков разное место — за исключением лезгинского, конструкции с вспомогательным глаголом ‘все еще быть, оставаться’ описываются лишь в наиболее недавних по времени грамматических очерках. В арчинском языке, где отсутствует стативный глагол ‘все еще быть, оставаться’, континуативные конструкции также имеются и образуются при помощи особого континуативного деепричастия и обычной связки. При этом можно отметить, что корни континуативного

глагола ‘все еще быть, оставаться’ имеют вид *ta- / mi- / me-*, а суффикс континуативного деепричастия выглядит как *-ta-t* (с конечным показателем, вероятно имеющим локативную этимологию), что может указывать на общность происхождения континуативных морфем на пралезгинском уровне.

Второй задачей работы было проанализировать дистрибуцию средств выражения континуативности на примере 17 континуативных контекстов из Евангелия от Луки, выделенных ранее в типологическом исследовании А. Б. Пановой. Здесь мы учитывали как специализированные средства (континуативный глагол и континуативные конструкции), так и наречия со значением ‘еще, все еще’. К рассмотрению было привлечено семь переводов на шесть языков (удинский представлен двумя переводами). Более чем в половине случаев — если за множество случаев взять переводы всех 17 контекстов на все 7 идиомов, — континуативное значение не выражалось специальным образом, а, как правило, передавалось имперфективными формами, чаще всего зависимыми (деепричастиями). Тем не менее, в восточнолезгинских языках и рутульском было отмечено использование специализированных средств, связанных с глаголами ‘все еще быть, оставаться’, и в тех же языках, но в еще большей степени — в цахурском и удинском — было отмечено использование континуативных наречий. Мы выделили как «иерархию» контекстов с точки зрения частотности использования различных средств выражения континуативности, так и (условную) «иерархию» языков с точки зрения частотности использования этих средств в 17 контекстах. Что же касается соотношения между частотностью употребления именно континуативных конструкций и степенью их описанности в источниках, то здесь явной корреляции не наблюдается: хотя и в чуть разной степени, но все четыре языка, где эти средства есть, использовали их в тексте перевода.

Наше исследование не позволило обнаружить ранее неописанные континуативные показатели в языках лезгинской группы. Тем не менее, оно продемонстрировало, что те конструкции, которые в описаниях занимают периферийное положение, а иногда не упоминаются совсем, должны занять более достойное место в грамматических очерках соответствующих языков (агульского, табасаранского и рутульского).

Приложение

Дополнительные материалы к статье, доступные по ссылке <https://vja.ruslang.ru/sites/default/files/articles/files/kontinuativnye-konstrukcii-v-lezginiskikh-yazykakh.xls>, содержат семь таблиц, в которых приведены переводы 17 континуативных контекстов (по [Панова 2023]) на каждый из языков перевода, с кодированием использованного средства, а также таблицу, в которой суммированы средства, использованные для передачи континуативного значения в 7 переводах 17 контекстов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

1–4 — род (именной класс)
 1PL — 1-е лицо мн.ч.
 1SG — 1-е лицо ед.ч.
 3SG — 3-е лицо ед.ч.
 ABS — абсолютив
 ABSTR — абстрактное имя
 ADD — аддитив
 ADV — адвербиализатор
 ALL — аллатив

AOR — аорист
 ATTR — атрибутив
 COP — связка
 CNT — континуатив
 CVB — деепричастие
 DAT — датив
 EL — элатив
 EMPH — эмфатический префикс
 ERG — эргатив

GEN — генитив	NPL — неличный класс мн.ч.
H — личный класс	OBL — косвенная основа
HAB — хабиуталис	PFV — перфектив
HORT — гортатив	PL — множественное число
HPL — личный класс мн.ч.	POST — локализация ‘сзади’
IMP — императив	PRF — перфект
IN — локализация ‘внутри’	PRS — настоящее время
INCL — инклюзив	PST — прошедшее время
INF — инфинитив	PTCL — частица
INTER — локализация ‘в массе; между’	PTCP — причастие
IPFV — имперфектив	PV — преверб
LOC — локативная форма	RE — рефактив
MNR — показатель образа действия	SUBST — субстантиватор
N — неличный класс	SUPER — локализация ‘сверху’
NEG — отрицание	TEMP — темпоральная форма

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ²²

- Библия. Современный русский перевод. М.: РБО, 2011.
- Господа Нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на русском и удинском языках. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. XXX. Тифлис, 1902 (удинский (варташенский); цитируется по переизданию [Schulze 2001]).
- Лукадаады Шадды Хабар. М.: ИПБ, 2004 (рутульский).
- Лукайин Китаб. Месигъ Исайихъас Идже Хабар. М.: ИПБ, 2005 (агульский).
- Лукайкена Шадна хабар. М.: ИПБ, 2003 (цахурский).
- Цийи Икърар. М.: ИПБ, 2010 (табасаранский).
- Цийи Икърар. М.: ИПБ, 2018 (лезгинский).
- Bibliya: Mat'fey, Mark', Luk'a, Ioan, İvel Girk. Bakı: Azərbaycan Bibliya Cəmiyyəti, 2020 (удинский (ниджский)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алексеев 1985 — Алексеев М. Е. *Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис*. М.: Наука, 1985. [Alekseev M. E. *Voprosy sravnitel'no-istoricheskoi grammatiki lezginskikh yazykov. Morfologiya. Sintaksis* [Topics in the comparative and historical grammar of the Lezgi languages. Morphology. Syntax]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Алексеев 2011 — Алексеев М. Е. *Перевод Библии на языки народов России: социолингвистические аспекты*. М.: Academia, 2011. [Alekseev M. E. *Perevod Biblii na yazyki narodov Rossii: sotsiolingvisticheskie aspekty* [Translating the Bible into the languages of Russia: Sociolinguistic aspects]. Moscow: Academia, 2011.]
- Алисултанов, Сулейманова 2019 — Алисултанов А. С., Сулейманова Т. А. *Рутульско-русский словарь*. Махачкала: Алеф, 2019. [Alisultanov A. S., Suleimanova T. A. *Rutul'sko-russkii slovar'* [Rutul-Russian dictionary]. Makhachkala: Alef, 2019.]
- Гайдаров и др. 2009 — Гайдаров Р. И., Гюльмагомедов А. Г., Мейланова У. А., Талибов Б. Б. *Современный лезгинский язык*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2009. [Gaidarov R. I., Gyl'magomedov A. G., Meilanova U. A., Talibov B. B. *Sovremennyi lezginskii yazyk* [Modern Lezgian]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2009.]
- Ганиева 2007 — Ганиева Ф. А. *Джабинский диалект лезгинского языка*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2007. [Ganieva F. A. *Dzhabinskii dialekt lezginskogo yazyka* [The Jabin dialect of Lezgian]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2007.]

²² Все цитируемые переводы Института перевода Библии доступны на сайте <http://ibt.org.ru/>; современный удинский перевод доступен на сайте <https://www.udibibliya.com/>.

- Ганиева 2008 — Ганиева Ф. А. *Курущский говор лезгинского языка*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2008. [Ganieva F. A. *Kurushskii govor lezginского yazyka* [The Kurush variety of Lezgian]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2008.]
- Ганиева 2011 — Ганиева Ф. А. *Диалекты и говоры самурского наречия лезгинского языка*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2011. [Ganieva F. A. *Dialekty i govory samurskogo narechiya lezginского yazyka* [Dialects and varieties of Samur Lezgian]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2011.]
- Ганиева (сост.) 2011 — Ганиева А. М. (сост.). *Свод памятников фольклора народов Дагестана*. Т. 1. *Сказки о животных*. М.: Наука, 2011. [Ganieva A. M. (comp.). *Svod pamyatnikov fol'klora narodov Dagestana* [A collection of the Daghestanian people's folklore]. Vol. 1. *Skazki o zhyvotnykh* [Animal fairy tales]. Moscow: Nauka, 2011.]
- Гасанова и др. 2020 — Гасанова С. Н., Алхасов Г. А., Бицимазаева Л. М. *Агъуларин хикатар. Агульские сказки*. Махачкала: Алеф, 2020. [Gasanova S. N., Alkhasov G. A., Bitsimazaeva L. M. *Akularin hikatar. Agul'skie skazki* [Aghul fairy tales]. Makhachkala: Alef, 2020.]
- Генко 2005 — Генко А. Н. *Табасаранско-русский словарь*. М.: Academia, 2005. [Genko A. N. *Tabasarakansko-russkii slovar'* [Tabasaran-Russian dictionary]. Moscow: Academia, 2005.]
- Гукасян 1974 — Гукасян В. Л. *Удинско-азербайджанско-русский словарь*. Баку: Элм, 1974. [Gukasyan V. L. *Udinsko-azerbaidzhansko-russkii slovar'* [Udi-Azerbaijani-Russian dictionary]. Baku: Elm, 1974.]
- Дашлай, Дашлай 2021 — Дашлай Я. Ф., Дашлай Ф. З. *Рыжик / Чуры / Чорай (на русском, рутульском и цахурском языках)*. Махачкала: ДГУ, 2021. [Dashlai Ya. F., Dashlai F. Z. *Ryzhik / Č'urij / Č'oraj (na russkom, rutul'skom i tsakhurskom yazykakh)* [Ryzhik (in Russian, Rutul, and Tsakhur)]. Makhachkala: Daghestanian State Univ., 2021.]
- де Ваард, Найда 1998 — де Ваард Я., Найда Ю. А. *На новых языках заговорят. Функциональная эквивалентность в библейских переводах*. Алексеева Е. Л., Савенкова Е. Д. (пер.), Алексеев А. А. (ред.). СПб.: Российское библейское общество, 1998. [de Waard J., Nida E. A. *Na novykh yazykakh zagovoryat. Funktsional'naya ekvivalentnost' v bibleiskikh perevodakh* [They shall speak with new tongues. Functional equivalence in Bible translating]. Alekseeva E. L., Savenkova E. D. (trans.), Alekseev A. A. (ed.). St. Petersburg: Russian Bible Society, 1998.]
- Дирр 1907 — Дирр А. М. Агульский язык. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. 37. Тифлис, 1907. [Dirr A. M. The Aghul language. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza*. No. 37. Tiflis, 1907.]
- Дирр 1908 — Дирр А. М. Арчинский язык. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. 39. Тифлис, 1908. [Dirr A. M. The Archi language. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza*. No. 39. Tiflis, 1908.]
- Дирр 1912 — Дирр А. М. Рутульский язык. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. 52. Тифлис, 1912. [Dirr A. M. The Rutul language. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza*. No. 52. Tiflis, 1912.]
- Жирков 1948 — Жирков Л. И. *Табасаранский язык. Грамматика и тексты*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. [Zhirkov L. I. *Tabasarakanskii yazyk. Grammatika i teksty* [The Tabasaran language. Grammar and texts]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1948.]
- Загиров и др. 2014 — Загиров З. М., Загиров В. М., Курбанов К. К., Ханмагомедов Б. Г.-К., Шалбузов К. Т. *Современный табасаранский язык*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014. [Zagirov Z. M., Zagirov V. M., Kurbanov K. K., Khanmagomedov B. G.-K., Shalbuzov K. T. *Sovremennyyi tabasarakanskii yazyk* [Modern Tabasaran]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2014.]
- Ибрагимов 1978 — Ибрагимов Г. Х. *Рутульский язык*. М.: Наука, 1978. [Ibragimov G. Kh. *Rutul'skii yazyk* [The Rutul language]. Moscow: Nauka, 1978.]
- Ибрагимов 1990 — Ибрагимов Г. Х. *Цахурский язык*. М.: Наука, 1990. [Ibragimov G. Kh. *Tsakhurskii yazyk* [The Tsakhur language]. Moscow: Nauka, 1990.]
- Ибрагимов 2004 — Ибрагимов Г. Х. *Рутульский язык. Синхрония и диахрония*. Махачкала: Народы Дагестана, 2004. [Ibragimov G. Kh. *Rutul'skii yazyk. Sinkhroniya i diakhroniya* [The Rutul language. Synchrony and diachrony]. Makhachkala: Peoples of Daghestan, 2004.]
- Ибрагимов, Нурмамедов 2010 — Ибрагимов Г. Х., Нурмамедов Ю. М. *Цахурско-русский словарь*. Махачкала: ДНЦ РАН, 2010. [Ibragimov G. Kh., Nurmamedov Yu. M. *Tsakhursko-russkii slovar'* [Tsakhur-Russian dictionary]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2010.]

- Исмаилова 2011 — Исмаилова Э. И. *Русско-рутульский словарь*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2011. [Ismailova E. I. *Russko-rutul'skii slovar'* [Russian-Rutul dictionary]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2011.]
- Касьян 2014 — Касьян А. С. К формальной генеалогической классификации лезгинских языков. *Вопросы языкового родства*, 2014, 11: 63–80. [Kassian A. S. Towards a formal genealogical classification of the Lezgian languages. *Journal of Language Relationship*, 2014, 11: 63–80.]
- Кибрик 1977а — Кибрик А. Е. *Опыт структурного описания архинского языка*. Т. 2: *Таксономическая грамматика*. М.: МГУ, 1977. [Kibrik A. E. *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka* [Structural description of Archi]. Vol. 2: *Taksonomicheskaya grammatika* [Taxonomic grammar]. Moscow: Moscow State Univ., 1977.]
- Кибрик 1977б — Кибрик А. Е. *Опыт структурного описания архинского языка*. Т. 3: *Динамическая грамматика*. М.: МГУ, 1977. [Kibrik A. E. *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka* [Structural description of Archi]. Vol. 3: *Dinamicheskaya grammatika* [Dynamic grammar]. Moscow: Moscow State Univ., 1977.]
- Кибрик, Тестелец 1999 — Кибрик А. Е., Тестелец Я. Г. (ред.). *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. М.: Наследие, 1999. [Kibrik A. E., Testelelets Ya. G. (eds.). *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Tsakhur in a typological perspective]. Moscow: Nasledie, 1999.]
- Курбанов 2001 — Курбанов К. К. Грамматический очерк табасаранского языка. *Табасаранско-русский словарь*. Ханмагомедов Б. Г.-К., Шалбузов К. Т. М.: Наука, 2001. [Kurbanov K. K. A grammar sketch of Tabasaran. *Tabasarsansko-russkii slovar'*. Khanmagomedov B. G.-K., Shalbuzov K. T. Moscow: Nauka, 2001.]
- Магомедов 1965 — Магомедов А. А. *Табасаранский язык: исследование и тексты*. Тбилиси: Мецниереба, 1965. [Magometov A. A. *Tabasarsanskii yazyk: issledovanie i teksty* [Tabasaran: A study and texts]. Tbilisi: Mecniereba, 1965.]
- Магомедов 1970 — Магомедов А. А. *Агульский язык: исследование и тексты*. Тбилиси: Мецниереба, 1970. [Magometov A. A. *Agul'skii yazyk: issledovanie i teksty* [Aghul: A study and texts]. Tbilisi: Mecniereba, 1970.]
- Мазанаев 2014 — Мазанаев Ш. А. *Агульско-русский словарь*. Махачкала: ДГУ, 2014. [Mazanaev Sh. A. *Agul'sko-russkii slovar'* [Aghul-Russian dictionary]. Makhachkala: Daghestanian State Univ., 2014.]
- Майсак 2019 — Майсак Т. А. Переводы «Отче наш» в истории удинского языка. *Родной язык*, 2019, 1: 114–145. [Maisak T. A. Translations of the Lord's Prayer in the history of Udi. *Rodnoy Yazyk*, 2019, 1: 114–145.]
- Майсак 2021 — Майсак Т. А. «Грамматика притворства»: к внутригенетической микротипологии одной конструкции в нахско-дагестанских языках. *Дурхъаси хазна. Сб. ст. к 60-летию Р. О. Муталова*. Майсак Т. А., Сумбатова Н. Р., Тестелец Я. Г. (ред.). М.: Буки Веди, 2021, 220–257. [Maisak T. A. The “grammar of pretending”: Towards an intragenetic microtypology of one construction in the Nakh-Daghestanian languages. *Durqazi xazna. Papers on the occasion of Rasul Mutsalov's 60th anniversary*. Maisak T. A., Sumbatova N. R., Testelelets Ya. G. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2021, 220–257.]
- Махмудова 2001 — Махмудова С. М. *Морфология рутульского языка*. М.: Институт языкознания РАН, 2001. [Makhmudova S. M. *Morfologiya rutul'skogo yazyka* [Rutul morphology]. Moscow: Institute of Linguistics, 2001.]
- Мейланова 1964 — Мейланова У. А. *Очерки лезгинской диалектологии*. М.: Наука, 1964. [Meilanova U. A. *Ocherki lezginskoi dialektologii* [Studies in Lezgian dialectology]. Moscow: Nauka, 1964.]
- Мейланова 1984 — Мейланова У. А. *Будухско-русский словарь*. М.: Наука, 1984. [Meilanova U. A. *Budukhsko-russkii slovar'* [Budukh-Russian dictionary]. Moscow: Nauka, 1984.]
- Мерданова 2004 — Мерданова С. Р. *Морфология и грамматическая семантика агульского языка (на материале хтыжского говора)*. М.: Советский писатель, 2004. [Merdanova S. R. *Morfologiya i grammaticheskaya semantika agul'skogo yazyka (na materiale khpyuk'skogo govora)* [Morphology and grammatical semantics of Aghul (a study of the Khpyuk idiom)]. Moscow: Sovetskii pisatel', 2004.]
- Микайлов 1967 — Микайлов К. Ш. *Арчинский язык. Грамматический очерк с текстами и словарями*. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1967. [Mikailov K. Sh. *Archinskii yazyk. Grammaticheskii ocherk s tekstami i slovaryami* [The Archi language. A grammar sketch with texts and dictionaries]. Makhachkala: Daghestanian department of the Academy of Sciences of the USSR, 1967.]

- Мобили 2010 — Мобили Р. *Удинско-азербайджанско-русский словарь*. Баку: Леман, 2010. [Mobili R. *Udinsko-azerbaidzhansko-russkii slovar'* [Udi-Azerbaijani-Russian dictionary]. Baku: Leman, 2010.]
- Панова 2023 — Панова А. Б. Континуативные контексты в Евангелии от Луки. [Panova A. B. Continuitive contexts in the Gospel of Luke.] *Acta Linguistica Petropolitana*, 19(3): 432–467.
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Рамазанов 2010 — Рамазанов М. Р. *Агульско-русский словарь*. Махачкала: Лотос, 2010. [Ramazanov M. R. *Agul'sko-russkii slovar'* [Aghul-Russian dictionary]. Makhachkala: Lotos, 2010.]
- Рамазанов 2014 — Рамазанов М. Р. *Грамматика агульского языка: научно-нормативное исследование*. Махачкала: Лотос, 2014. [Ramazanov M. R. *Grammatika agul'skogo yazyka: nauchno-normativnoe issledovanie* [A grammar of Aghul: A scientific and normative study]. Makhachkala: Lotos, 2014.]
- Селимов 2010 — Селимов А. А. *Словарь восточных заимствований лезгинского языка*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2010. [Selimov A. A. *Slovar' vostochnykh zaимstvovaniy lezginского yazyka* [A dictionary of eastern borrowings in Lezgian]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2010.]
- Сихарулидзе 2008 — Сихарулидзе Т. Т. О параллельном русско-удинском тексте Святого Евангелия. *Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка*. Алексеев М. Е., Майсак Т. А. (отв. ред.). М.: Academia, 2008, 432–440. [Sikharulidze T. T. On the parallel Russian-Udi text of the Holy Gospel. *Udinskii sbornik: grammatika, leksika, istoriya yazyka*. Alekseev M. E., Maisak T. A. (eds.). Moscow: Academia, 2008, 432–440.]
- Сулейманов 1993 — Сулейманов Н. Д. *Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1993. [Suleimanov N. D. *Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie dialektov agul'skogo yazyka* [A comparative and historical study of Aghul dialects]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 1993.]
- Сумбатова, Ландер 2014 — Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. *Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса*. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Sumbatova N. R., Lander Yu. A. *Darginskii govor seleniya Tanty: grammaticheskii ocherk, voprosy sintaksisa* [Tanty variety of Dargwa: A grammar sketch, aspects of syntax]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014.]
- Талибов 1966 — Талибов Б. Б. Грамматический очерк лезгинского языка. *Лезгинско-русский словарь*. Талибов Б. Б., Гаджиев М. М. М.: Советская энциклопедия, 1966. [Talibov B. B. A grammar sketch of Lezgian. *Lezginско-russkii slovar'*. Talibov B. B., Gadzhiev M. M. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1966.]
- Талибов 2007 — Талибов Б. Б. *Будухский язык*. М.: Academia, 2007. [Talibov B. B. *Budukhskii yazyk* [The Budukh language]. Moscow: Academia, 2007.]
- Талибов, Гаджиев 1966 — Талибов Б. Б., Гаджиев М. М. *Лезгинско-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1966. [Talibov B. B., Gadzhiev M. M. *Lezginско-russkii slovar'* [Lezgian-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1966.]
- Тарланов 1994 — Тарланов З. К. *Агулы: их язык и история*. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. [Tarlanov Z. K. *Aguly: ikh yazyk i istoriya* [The Aghuls: Their language and history]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Press, 1994.]
- Тарланов 2013 — Тарланов З. К. *Проблемы общей грамматики и грамматика агульского языка*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013. [Tarlanov Z. K. *Problemy obshchei grammatiki i grammatika agul'skogo yazyka* [Topics in general grammar and Aghul grammar]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2013.]
- Услар 1979 — Услар П. К. *Этнография Кавказа. Языкознание. VII: Табасаранский язык*. Тбилиси: Мецниереба, 1979. [Uslar P. K. *Etnografiya Kavkaza. Yazykoznanie* [Ethnography of the Caucasus. The study of language]. VII: *Tabasaranskii yazyk* [The Tabasaran language]. Tbilisi: Mecniereba, 1979.]
- Ханмагомедов, Шалбузов 2001 — Ханмагомедов Б. Г.-К., Шалбузов К. Т. *Табасаранско-русский словарь*. М.: Наука, 2001. [Khanmagomedov B. G.-K., Shalbulzov K. T. *Tabasaransko-russkii slovar'* [Tabasaran-Russian dictionary]. Moscow: Nauka, 2001.]

- Хомченкова (ред.) 2023 — Хомченкова И. А. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 9. Параллельный корпус как грамматическая база данных и Новый Завет как параллельный корпус. [Khomchenkova I. A. (ed.). Studies in grammar theory. No. 9. Parallel corpora as a grammar database and the New Testament as a parallel corpus.] *Acta Linguistica Petropolitana*, 2023, 19(3).
- Чумакина и др. 2007 — Чумакина М. Э., Браун Д., Квиллиам Х., Корбетт Г. Г. *Словарь архинского языка (арчинско-русско-английский)*. Махачкала: Деловой мир, 2007. [Chumakina M. E., Brown D., Quilliam H., Corbett G. G. *Slovar' archinskogo yazyka (archinsko-russko-angliiskii)* [A dictionary of Archi (Archi-Russian-English)]. Makhachkala: Delovoi mir, 2007.]
- Шаумян 1941 — Шаумян Р. М. *Грамматический очерк агульского языка (с текстами и словарем)*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. [Shaumyan R. M. *Grammaticheskii ocherk agul'skogo yazyka (s tekstami i slovarem)* [A grammar sketch of Aghul (with texts and a dictionary)]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1941.]
- Alekseev 1994 — Alekseev M. Rutul. *Indigenous languages of the Caucasus*. Vol. 4: North East. *Caucasian languages*. Part 2. Smeets R. (ed.). Delmar (NY): Caravan books, 1994, 213–258.
- Authier 2009 — Authier G. *Éléments de grammaire Kryz (dialecte d'Alik, langue caucasique d'Azerbaïdjan)*. Paris: Peeters, 2009.
- Babaliyeva 2007 — Babaliyeva A. *Présentation du dialecte Lezgi de Yargun (Azerbad'djan): grammaire, textes glosés et traduits. Mémoire principal de Master II*. Paris: École Pratique des hautes études, 2007.
- Babaliyeva 2013 — Babaliyeva A. *Études sur la morphosyntaxe du tabasaran littéraire*. Thèse de doctorat. Paris: École Pratique des hautes études, 2013.
- Babaliyeva 2023 — Babaliyeva A. Standard Tabasaran: Short grammar sketch. *Languages of the Caucasus*, 2023, 6(1): 1–51. <https://escholarship.org/uc/item/7m61j4w5>.
- Chumakina 2012 — Chumakina M. Periphrasis in Archi. *Periphrasis. The role of syntax and morphology in paradigms*. Chumakina M., Corbett G. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2012, 27–52.
- Chumakina 2020 — Chumakina M. Archi. *The Oxford handbook of languages of the Caucasus*. Polinsky M. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2020, 281–316.
- Cysouw, Wälchli 2007 — Cysouw M., Wälchli B. Parallel texts. Using translational equivalents in linguistic typology. *Sprachtypologie & Universalienforschung*, 2007, 60(2): 95–99.
- Dahl, Wälchli 2016 — Dahl Ö., Wälchli B. Perfects and iamitives: Two gram types in one grammatical space. *Letras de Hoje*, 2016, 51(3): 325–348.
- Gippert et al. 2008 — Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. *The Caucasian Albanian palimpsests of Mount Sinai. Edition and interpretation*. 2 vols. Turnhout: Brepols, 2008.
- Gippert 2023 — Gippert J. The textual heritage of Caucasian Albanian. *Caucasian Albania: An international handbook*. Gippert J., Dum-Tragut J. (eds.). Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2023, 95–166. <https://doi.org/10.1515/9783110794687-003>.
- Haspelmath 1993 — Haspelmath M. *A grammar of Lezgian*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1993.
- Hümmətov, Rind-Pawłowski 2020 — Hümmətov (Qrızlı) İ. Ə., Rind-Pawłowski M. *Qrızca-azərbaycanca-ingiliscə lügət*. Baku: AFPoligraf, 2020.
- Kramer 2017 — Kramer R. L. *Position paper on phasal polarity expressions*. Hamburg: Univ. of Hamburg, 2017. <https://www.aai.uni-hamburg.de/afrika/php2018/medien/position-paper-on-php.pdf>.
- Kuteva et al. 2019 — Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S. *World lexicon of grammaticalization*. 2nd edn. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019.
- Maisak 2020 — Maisak T. *The verb paradigm in Kina Rutul*. Basic research program. Working papers. Moscow: HSE Univ., 2020. <https://wp.hse.ru/data/2020/10/27/1359252160/95LNG2020.pdf>.
- Nikolayev, Starostin 1994 — Nikolayev S. L., Starostin S. A. *A North Caucasian etymological dictionary*. Moscow: Asterisk, 1994.
- Panova 2021 — Panova A. *Towards a typology of continuative expressions*. Master's thesis. Moscow: HSE Univ., 2021. <https://www.academia.edu/50751325>.
- Plungian 1999 — Plungian V. A typology of phasal meanings. *Tense-aspect, transitivity and causativity: Essays in honour of Vladimir Nedjalkov*. Abraham W., Kulikov L. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999, 311–322.
- Schulze 2001 — Schulze W. *The Udi Gospels. Annotated text, etymological index, lemmatized concordance*. Munich; Newcastle: LINCOM Europa, 2001.

- Sumbatova, Mutalov 2003 — Sumbatova N. R., Mutalov R. O. *A grammar of Icari Dargwa*. München: LINCOM Europa, 2003.
- van Baar 1997 — van Baar T. M. *Phasal polarity*. Ph.D. thesis. Amsterdam: Univ. of Amsterdam, 1997.
- van der Auwera 1993 — van der Auwera J. ‘Already’ and ‘still’: Beyond duality. *Linguistics and Philosophy*, 1993, 16(6): 613–653.
- van der Auwera 1998 — van der Auwera J. Phasal adverbials in the languages of Europe. *Adverbial constructions in the languages of Europe*. van der Auwera J. (ed.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1998, 25–145.
- Wälchli 2005 — Wälchli B. *Co-compounds and natural coordination*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.
- Wälchli, Cysouw 2012 — Wälchli B., Cysouw M. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs. *Linguistics*, 2012, 50(3): 671–710.

Получено / received 26.07.2023

Принято / accepted 21.11.2023